

ГОДЫ И КНИГИ

Эта автобиография написана на основе моего дневника и предназначена для моих внуков и правнуков. Но я не возражаю, если её прочитают и другие люди.

Я родился в 1830 году в Калужской губернии. Среди моих земляков было немало знаменитостей: полярный исследователь С. И. Челюскин (1700-1760), архитектор В. И. Баженов (1737-1799), писатель А. Н. Радищев (1749-1802), учёный-математик П. Л. Чебышёв, а также известный своей статьёй о разумных существах с других планет учитель из Калуги К. Э. Циолковский. Среди известных краеведов можно упомянуть С. В. Руссова (1770-1842), который много лет работал над своей "Калужской летописью", и В. Я. Ханькова, который продолжил начатую Руссовым работу¹. Немало интересных материалов по истории Калужского края опубликовали Е. П. Карнович, П. С. Щепетов-Самгин, П. О. Ляметри, С. И. Яновский и многие другие. Но сам я, хотя и получил хорошее образование, ничем не прославился и не оставил никакого следа даже в местной, калужской истории...

Я никогда не был и никогда не хотел быть знаменитостью, однако в преклонные годы мне захотелось оставить о себе хоть какую-то память, и мне будет приятно, если кто-нибудь найдёт эту книгу хоть в чём-то полезной...

Николай Лаптев, г. Санкт-Петербург, штат Флорида, 1910 г.

ДЕТСТВО

(1830-1841)

Свои детские годы я помню плохо, но по книгам и по рассказам современников можно проследить некоторые события тех лет...

¹ "Калужская летопись" стала позднее известна Архивной комиссии Московского университета и была напечатана в Калуге в 1878 г.

1830-ые годы в России запомнились прежде всего страшной и опустошительной холерной эпидемией: тошнота, рвота, головокружение, сильное расстройство желудка, корчи – и в несколько часов человек умирает. Письма в Москву приходили проколотые и обкуренные. Дом ежедневно окуривали уксусом, проливаемым на раскалённое железо. Для очищения воздуха везде по комнатам ставили на блюдечках дёготь и хлор... Во многих домах чувствовался стойкий запах хлора, уксуса и можжевельника. А домочадцы носили на шее ладанки с чесноком. Все, кто мог, бежали из города в деревню... Миллионы (!) людей погибли в 1830-1840 гг. от этой болезни, которая распространилась из Астрахани по всей России, а потом и по всей Европе...

В политическом смысле начало 30-ых годов было бурным: во Франции – революция. В Польше – восстание. В результате этого восстания поляки ничего не приобрели, но многое потеряли. Польша стала составной частью Российской империи, лишилась своей конституции, собственной армии и сейма и сохранила только административную автономию... В 1830 году случилось восстание военных поселян в Новгородской губернии. А. С. Пушкин писал П. А. Вяземскому в Москву: "Более ста человек генералов, полковников и офицеров перерезали в новгородских поселениях со всеми утончениями злобы. Бунтовщики их секли, били по щекам, издевались над ними, разграбили дома, изнасиловали жён; 15 лекарей убито... Государь приехал к ним вслед за Орловым. Разругав убийц, он объявил прямо, что не может их простить, и требовал выдачи зачинщиков". 150 человек были наказаны розгами, 1599 – шпицрутенами, 88 – кнутом, 773 – "исправительно". 129 мятежников умерли после или во время телесного наказания. Жестокое было время...

Впрочем, вопреки мнению некоторых историков, не всё было плохо. В 1830 году можно было купить в Москве деревянный 12-комнатный дом с мезонином на каменном фундаменте и с тремя надворными постройками за 10500 руб. ассигнациями (3000 руб. в пересчёте на серебро) – цена вполне умеренная (в 1848 году такой дом можно было продать с большой выгодой: за 4000 руб. серебром)... Жизнь шла своим чередом. В Москве построили Мытищинский водопровод...

Опубликована (1831) лучшая пьеса Александра Сергеевича Пушкина "Борис Годунов". "Ай, да Пушкин! Ай, да сукин сын!" – хлопая в ладоши, кричал он, будучи в восторге от своего шедевра ...

В Большом театре в Москве состоялось первое публичное слушание гимна "Молитва русского народа" (1832), написанного князем А. Ф. Львовым. Гимн "Боже, царя храни" был объявлен официальным²...

В 1832 году под руководством Михаила Михайловича Сперанского был завершён колоссальный труд собрания всех законов, изданных русским правительством со времени "Уложения" (1649) царя Алексея Михайловича по 1825 год включительно. Получилось 47 объёмистых томов "Полного собрания законов". Позднее, на основании этого собрания (после того как было разобрано, какие из них можно признать действующими, какие взаимно уничтожаются, а какие отменены) был издан свод действующих законов в 15 томах. Отсутствие такого свода законов было в прошлом одним из главных источников злоупотребления всяких приказных и ходатаев: законы были разбросаны по архивам и ведомствам, и их можно было противопоставлять друг другу, не сходя с формальной законной почвы...

В 1833 году английский парламент отменил рабство во всех британских колониях. Для возмещения материальных потерь рабовладельцам было выплачено в качестве денежной компенсации 20 миллионов фунтов стерлингов (около 140 миллионов рублей серебром по тогдашнему вексельному курсу). В России до отмены рабства было ещё далеко, но в том же 1833 году вышел Указ о запрещении продажи крепостных крестьян с публичного торга. Запрещена была и продажа разным владельцам членов одной семьи...

В 1834 году братья Черепановы построили в Нижнем Тагиле для заводского употребления первую в России железную дорогу с паровой тягой. А в следующем году появился первый в России телеграф – учреждена была для целей военного ведомства кронштадтская телеграфная линия...

² до этого года русским национальным гимном служил полонез "Гром победы раздавайся", сочинённый капельмейстером О. А. Козловским на слова Г. Р. Державина

В 1835 году во Франции была издана прекрасная книга Алексиса де Токвиля (Alexis de Tocqueville) "Демократия в Америке" (*La Démocratie en Amérique*). Защищая демократию и осуждая тиранию, Токвиль, тем не менее, пишет в этой книге об угрозе "тирании большинства", потому что многие люди "предпочитают быть равными при рабстве, нежели неравными при свободе"...

В 1836 году в одной из французских газет появилось описание удачных фотографических опытов Даггерра, но в той же газете было опубликовано сообщение об изобретении телескопа такой силы, что при его помощи можно было разглядеть на Луне диких, обросших волосами людей, поэтому к сообщению о даггерротипах все отнеслись как к очередной газетной утке... 27-ого сентября 1836 года была открыта первая в России пассажирская железная дорога – Царскосельская. Эта дорога протяжённостью в 25 вёрст была построена частными лицами, правительство не давало никаких субсидий или гарантий. Постройка продолжалась два года и обошлась в 42 тысячи рублей за версту...

В 1838 году Атлантический океан был впервые пересечён на пароходе без помощи парусов... В том же году в 43 губерниях Российской империи начали выходить "Губернские ведомости"...

Я провёл свои детские годы в деревне Томилино неподалёку от Тарусы. Деревня наша не была особенно процветающей и в настоящее время (1910) она уже не существует, но во времена моего детства там было 30 дворов. В то время вокруг Тарусы было много небольших помещичьих усадеб. Иной раз – до 20 на пространстве в 15 вёрст! Теперь (1910) многих из них нет. Прежние владельцы вымерли, их наследники продали свои усадьбы соседям, купцам или "кулакам" (разбогатевшим крестьянам), усадьбы делились и объединялись, сливались с близлежащими городками, меняли названия или вовсе исчезали с лица земли...

Помещиком в Томилино был Иван Александрович Добронравов – отставной офицер, уволенный из армии по подозрению в сочувствии участникам восстания на Сенатской площади в Петербурге. Хозяйство у него было небогатое, но крепкое, с примерным годовым доходом в 4000 руб. У Ивана Александровича было 216 душ

крепостных, и в 1838 году его хозяйственные расходы составляли (судя по найденной мною позднее ведомости) около 3600 руб. в год:

На починку господского дома	252 руб. 47 коп.
На постройку пяти погоревших крестьянских домов	500 руб. 00 коп.
На починку мельницы	240 руб. 42 коп.
Натуральные повинности	216 руб. 00 коп.
На церковь	21 руб. 00 коп.
На содержание неимущих и престарелых	163 руб. 42 коп.
На развитие скотоводства	183 руб. 17 коп.
На выплаты повару, учителям и пр.	250 руб. 00 коп.
Казённые сборы и прочие подати (из расчёта по 8 руб. 52 коп. за 216 душ)	1840 руб. 32 коп.
Итого:	3666 руб. 80 коп.

Воспоминания – это нечто вроде личной исповеди... Я пишу для себя. Но всё же имею в виду и потомство. Может быть, иной молодой человек, прочитав мои мемуары, извлечёт из них полезный для себя урок... Не буду останавливаться на всех мелочах, из которых складывались мои детские годы. Хотелось бы отметить только, что обстоятельства моего детства и отрочества в огромной степени повлияли на меня – на дурные и хорошие стороны моего характера и на мою жизненную судьбу... Помню, как я в первый раз увидел разницу между собой и взрослыми: все они были такие великаны... И свиньи, и коровы, и лошади – казались мне огромными. Я начал сторониться их и бояться...

Мой отец (матери своей я не помню: она умерла при родах) был солдатским сыном и записан в мещанское сословие (они жили тогда в Тарусе). Солдаты, отслужившие в армии 25 лет, получали пенсию и становились свободными людьми, даже если до призыва на военную службу они были крепостными крестьянами. Мой дед Дмитрий участвовал в двух русско-турецких войнах (в 1768-1774 и в 1787-1791 годах), был ранен и награждён медалью за храбрость.

В 1793 году дед Дмитрий вернулся из Крыма и привёз с собой в родное село молодую смуглую жену-гречанку. Односельчане её не любили и называли "турчанкой". Настоящей турчанкой она не была и быть не могла, потому что православная церковь никогда не дала бы Дмитрию разрешение на брак с мусульманкой. Она была православной крымской гречанкой, немного знала русский язык, и её брак с русским солдатом Дмитрием Лаптевым никаких возражений у венчавшего их священника не вызвал. Односельчане её не любили, как не любили в те времена всех чужаков, поэтому Дмитрий решил переехать в Тарусу и построил себе дом и пасеку на тарусском "кургане", неподалёку от Воскресенской церкви. На каких условиях он выкупил или арендовал участок под свой дом, огород и пасеку, я не знаю. Позднее на одной из полянок он посадил яблони. Сажены прижились как нельзя лучше: земля подходящая, родников множество. Урожаи яблок были отменными, а по вкусу тарусские плоды не уступали знаменитым полтавским... В летние месяцы все члены семьи работали от зари до зари, а зимними вечерами Дмитрий, за ремонтом снастей для рыбной ловли, развлекал своих сыновей рассказами о турецкой войне, о бескрайнем синем море, об огромных морских кораблях, по сравнению с которыми те, что ходят по Оке, кажутся просто большими лодками... После сбора урожая Дмитрий продавал свой мёд и яблоки, а в остальное время зарабатывал тем, что оказывал тарусянам ветеринарные услуги, будучи коновалом. Всё это я узнал позднее из рассказов отца и бабушки. Деда Дмитрия я в живых не застал: он умер задолго до моего рождения, ещё до войны 1812 года.

По состоянию здоровья, томилинскому помещику, Ивану Александровичу Добронравову, нужна была специальная диета. Мой отец был хорошим поваром и переехал к нему в дом на правах вольнонаёмного работника... У нас с отцом была комната в господском доме (в полуподвальном этаже, рядом с кухней). Отец был человек нелюдимый, молчаливый и на вид – суровый, но в душе добрый. Он так и остался вдовцом, сделав целью своей жизни то, о чём просила его перед смертью моя мать: дать образование их первому и единственному сыну, чтобы он (то есть я) мог поступить на государственную службу и "выйти в люди". Иногда отец, по обычаям того времени, мог и высечь меня за какую-нибудь большую провинность

розгою. Но больше всего из раннего детства запомнилось мне не наказание, а удивительный сон: за мною гнались какие-то полулюди-полулошади. Мне стало страшно. Я закричал, и проснулся. Отец сел рядом со мной на лавку и держал мою руку в своей до тех пор, пока я снова не уснул...

Моя бабушка по матери была ключницей в доме у помещика Неверова и жила в соседней деревне. Она запомнилась мне тем, что умела прясть овечью шерсть и вязать шерстяные носки и варежки, а также тем, что она варила прекрасную гречневую кашу (прямо из печки – чугунок с кашей упрятывался под толстый овчинный тулуп, и каша прела там долгое время, а может, оно только казалось долгим...), а моя бабушка по отцу жила в Тарусе. Ни того, ни другого деда я не помню: оба они умерли ещё до моего рождения.

Игрушек своих я почти не помню, за исключением деревянных животных, которые двигались, если покачать грузик, подвязанный на нитках к движущимся частям этих фигурок: медведь начинал рубить дрова, заяц играл на балалайке, пёс в лодке начинал грести вёслами, а петух клевал зерно. Запомнился мне и игрушечный ящик, в котором было несколько вырезанных из дерева фигурок мужиков за работой. Если покрутить рукоятку, то одни мужики начинали пилить бревно, другие – косили или орудовали лопатами и т. д. Этот ящичек принадлежал, впрочем, не мне, а господскому сыну Серёже, с которым мы иногда вместе играли. У Серёжи был также большой строительный набор из маленьких деревянных брёвен, досок, кирпичиков, стропил, миниатюрных окон, дверей и т. д. Из всего этого можно было построить и господский дом, и деревенскую избу, и мост, и ветряную мельницу.

Зимой дворовые люди строили на заднем дворе снежную крепость с четырьмя зубчатыми башнями по углам. Ворот в ней не было, а внутрь можно было попасть только по прорытому в глубоком снегу "подземному ходу". Каждый год деревенские мальчишки, поделившись на две команды, устраивали штурм этой крепости – зрелище было увлекательное и волнующее... Мы также любили кататься со снежной горы на санках. Кататься на коньках я так и не научился, хотя на замёрзшем пруду каждый год расчищали площадку под каток. Весной мы пускали по ручьям парусные кораблики или с помощью взрослых ладили на ручье

маленькую водяную мельницу. Никакие другие детские игры мне не запомнились. Деревенские мальчишки меня не любили, дразнили "барином", и в их играх и забавах я почти никакого участия не принимал (за исключением игры в городки; благодаря этой игре я, будучи от природы неуклюжим, развил в себе хоть какую-то ловкость). За домом, в саду, был большой пруд с островком посередине. Летом я проводил большую часть свободного времени на этом острове, по примеру Робинзона Крузо, обустривая своё маленькое хозяйство.

Помню управлявшего барским имением старика Григория. Было ему, наверное, лет семьдесят, он был огромного роста, никогда не горбился, и на мощных его плечах гордо высилась его голова, украшенная седой львиной гривой и густой бородой. Вечный работник, всю жизнь встававший ото сна до восхода солнца, Григорий представлял собой величавый образец чувства долга. Барская земля, амбары, луга и стада были будто бы его собственным достоянием. Он гордо высился над работниками, опираясь правой рукой на длинный посох и заложивши левую за кушак, когда ссыпали в амбары золотистый хлеб. Особенно любил Григорий пропускать через себя стадо коров, которых вечером пригоняли домой. Простая душа старика тонула в благоговении, он, медленно сняв шапку, крестился и восторженно повторял: "Благодарение Господу!" Память у него была дивная! Во всём, что относилось к жизни, он был мудрец – указывал на причины встречавшихся ему явлений и точно угадывал последствия разных действий и случайностей... Как-то раз я спросил его, действительно ли грешники горят после смерти в аду и как они могут долго гореть, не изойдя угольями. На это он ответил, что адский пламень жжёт не тело, а душу. Тело истлеет в могиле и обратится во прах, а муки совести за несправедные деяния и злодеяния терзают души грешников вечно... И с виду, и умом, богатырь был Григорий Фёдорович, и все, включая самого барина, кланялись ему при встрече.

По большим праздникам меня чуть свет будили, одевали в шёлковую рубашечку и везли в церковь, а затем кормили сладостями. Раза два в году у хозяев бывали гости. По аллеям, озарённым цветными огнями, ходили господа в приталенных сюртуках и в высоких галстуках, с острыми белоснежными воротничками, упиравшимися в бритые щёки, и молодые дамы, одетые по моде тех

лет в платья с пышными рукавами и в затейливые шляпки, украшенные искусственными цветами... Однажды довелось мне побывать в доме у княгини Голицыной. У ней дом был украшен картинами, статуями, мебелью с бронзовыми накладками; в зале – белые колонны с золотыми капителями; сверкали хрустальные люстры; сама она была красивая, полная, всегда в белом платье и в локонах. Гремела музыка, танцевали нарядные гости... На кухне бойко стучали ножи, а в сенях, на льду, – вертелись мороженицы. У неё были чудесные лошади и кучер-цыган Филипп, мрачный, никогда не улыбавшийся красивый брюнет, с серебряной серьгой в ухе и в плисовой поддёвке...

С самого раннего возраста, благодаря моей прирождённой наблюдательности, я узнал многое из того, что для иных детей обычно скрыто надолго, если не навсегда... Тайна продолжения рода не долго оставалась для меня тайной. Дворовые мальчики (и девочки) мне всё разъяснили, когда мне не было ещё и семи лет, – не потому, что они были порочны, а потому, что они были сведущи в животной жизни. Однажды с дворовой девчонкой Маруськой я забрался в бурьян. Мы с нею там легли навзничь, взялись за руки и стали смотреть на небеса. Был полдень, клубились облака. И вот они расступились, и показался Николай Чудотворец в епископском облачении и погрозил мне пальцем. Маруська не видела Николая Чудотворца, но стала креститься... В другой раз мы с этой девочкой (очевидно, проникнутой ко мне симпатией) забрались на сеновал и в раскрытую дверь смотрели на звёзды. Как-то незаметно, лица наши сблизились... Тут уже и ей, и мне привиделся огромный огненный змей... Мы очнулись, когда тётка Агафья нашла нас и, схватив меня за ухо, а мою подругу за волосы, отволокла по назначению...

Помню такой случай. Собрался как-то наш барин в гости к соседу-помещику. Приказал заложить лошадь. Долго ждал. Потом позвал старосту. А староста со смущением ответил, что лошадь давно готова и ждёт у подъезда. Выходит барин на крыльцо – а перед крыльцом столпились мужики.

– Ты куда, барин, едешь?

– К соседу своему Неверову.

– Зачем же ты, батюшка, туда собрался?

- Как зачем? В гости. Да вам-то какое дело?
- Полно, не езд. Ну что тебе там делать?
- Да вам-то что с того, поеду я или нет? Он меня, небось, не убьёт, не отравит.
- Так-то оно так, батюшка. Да он тебя уговорит оброку прибавить.
- Да разве я вам не говорил, что в этом году прибавлять не буду? Когда это я вас обманывал, что вы слову моему не верите?
- Ну спасибо на добром слове, батюшка.

Умный был барин. Понимал, что нарушить своё слово – значит испортить весь строй хозяйства. Если в хозяйстве уверены, что *слово* хозяина – закон, то *слово* и управляет. А если оно нарушено, то оно перестаёт быть законом... Каких-то единых норм на оброк тогда не было. Всё решалось по договорённости. В одном уезде оброк мог быть 21 руб. с тягла, а в другом – и 30, и 35 руб., в зависимости от условий...

Не все баре были богаты. Бывали и такие, у которых земли было не больше 30 десятин, а крепостных от 3 до 10. Чтобы заработать себе на "барское" житьё, они вставляли чуть свет и работали на равных со своими крепостными. А бывали и крестьяне зажиточные, которые при продаже имения помогали деньгами доброму барину, чтобы не попасть в неволю к злему... Мне до сих пор неприятно слушать, когда без разбору бранят старых "крепостников" вне зависимости от того, что это были за люди. Как можно оценивать факты прошедшего, не затрагивая людей? Или все те, кто родились уже после отмены крепостного права, намного нравственнее "прежних" и не заслуживают никакого нареkania? ... Мы с отцом нашего барина любили. И крестьяне его любили... И что же? Всё было так мило да ладно, что и не секли никого? Секли. Но секли за дело, за большую провинность. Справедливое наказание люди быстро прощают, а несправедливые упрёки помнят, бывает, всю жизнь...

До того, как Иван Александрович перебрался в новый дом, он сам, его жена Марья Тимофеевна и их сын Серёжа жили в добротном, но неказистом дедовском доме пепельно-серого цвета. В 1830-ых годах многие помещики жили в простых, обшитых и крытых тёсом некрашенных домах. В более замысловатых деревенских постройках – к фасаду дома "приклеивались" три-четыре колонны с фронтоном

треугольником над ними. У зажиточных помещиков – эти колонны и их капители были оштукатурены и покрашены белой известью; у менее достаточных владельцев – колонны были из сосновых брёвен, без всяких капителей. Входное парадное крыльцо (с выдающимся вперёд деревянным навесом и двумя глухими боковыми стенами) имело вид будки, открытой спереди. Внутреннее устройство этих домов было почти совершенно одинаково везде – и в Калужской губернии, и в Орловской, и в Рязанской, и в Костромской. После передней (нередко – с неприятным запахом) был длинный зал, составлявший один из углов дома, с частыми окнами в двух стенах – и потому светлый, как оранжерея. В глухой капитальной стене зала было две двери. Одна (всегда низкая) вела в тёмный коридор; в конце этого коридора располагалась девичья и был устроен выход на задний двор. Вторая дверь зала (большого размера, в уровень с верхом окон) вела в гостиную, и такая же дверь вела из гостиной в кабинет или в хозяйскую спальню, составлявшую другой угол дома. Эти две комнаты и поперечная часть зала были обращены окнами к цветнику или к фруктовому саду. Фасад этой части дома состоял из семи больших окон (два из них были в спальне, два других были в зале, три – в гостиной). Большое среднее окно в гостиной (от пола до потолка) превращалось летом в стеклянную дверь со спуском в сад... Убранство гостиной тоже было примерно одинаково во всех домах. В простенках между окнами висели зеркала, а под ними стояли тумбочки. В середине противоположной глухой стены стоял огромный неуклюжий диван с деревянной спинкой и деревянными боками (в домах побогаче диван был из красного дерева); перед диваном – большой овальный стол и два ряда неуклюжих кресел (от четырёх до шести в каждом ряду). Вдоль боковых стен чинно стояли стулья (в домах побогаче – с резными спинками). Вся эта мебель была набита ореховой шелухой и покрыта белыми чехлами для предохранения обивочной ткани; чехлы эти снимали перед приходом важных гостей. Оба внутренние угла гостиной были перерезаны наискосок двумя кирпичными (в домах побогаче – изразцовыми) печами. Мягкой мебели тогда почти не было, но в кабинете нередко стояла полумягкая клеёчатая софа (обычно – зелёного цвета), а в столовой – этажерка с чайным сервизом, старинными бокалами, фарфоровыми статуэтками и прочими безделушками. Обои были тогда

ещё редко в ходу. У более зажиточных домовладельцев – стены были окрашены жёлтой охрой или лазоревой или малиновой краской, а потолки расписаны гирляндами цветов и плодов попеременно с райскими птицами и другими неизвестными зоологии животными. Эти изображения были, как правило, работой какого-нибудь доморощенного живописца, с которого и спрос был соответствующий... В усадебных домах с меньшими претензиями и средствами стены и потолок были просто побелены мелом. Если дом был двухэтажный или с мезонином (окнами во двор), то на второй этаж вела из коридора узенькая, немного шире аршина (около 80 см), лестница... Были и богатые помещики, имевшие до 2000 душ и жившие в трёхэтажном доме, утопающем в зелени массивных деревьев, с архитектурными излишествами и орнаментами и с неизменным прудом и лебедями посередине огромного парка...

Новый дом Добронравовых был двухэтажный: первый этаж – с высокими (до трёх метров) потолками. Главный фасад дома был обращён на восток и обрамлён одинаковыми выступами по бокам, с "итальянскими" окнами – высокими на первом и низкими на втором этаже. Посередине фасада, в нише, находился парадный вход с деревянным крыльцом и застеклёнными дверями. В зале на стенах висели акварельные портреты в зализанной манере, какая тогда многим нравилась (такие акварели можно было найти почти в любом помещичьем доме). Из зала можно было выйти на узкую террасу с колоннами, а с террасы – спуститься в сад. Площадь дома составляла приблизительно 500 кв. м. Отапливался он большими голландскими печами.

Из окон этого дома открывался прекрасный вид на Оку. Вокруг холма были разбросаны крестьянские избы и огороды, за деревней начинались поля и луга, а дальше – большой лиственный лес...

Помещичья земля была почти вся засеяна коноплём, из стеблей которой делали пеньку (в то время – ценнейший экспортный товар, отправляемый, главным образом, в Англию). Лучшими для посева конопли считались заливные земли вдоль берегов рек. Оставшийся на полях после разлива ил служил прекрасным удобрением для почвы. При необходимости, почва также удобрялась конским

навозом (обычно – с 6-ого по 15-ое мая). На одну десятину (около 1 га) вывозили каждый второй год до 300 возов навоза. Лучшую по качеству коноплю выращивали на песчано-суглинистой почве. Пахали конопляники два раза: осенью и весной. Если весна была дождливая, то конопля засеивалась под борону, а если сухая – под соху. Земледельцы заметили, что если сажать коноплю на одном и том же поле каждый год, то урожаи снижаются, а если поочерёдно сажать коноплю и корнеплоды (например – сахарную свёклу), то урожаи конопли повышаются. Затраты на производство сахарной свёклы составляли около 53 руб. на десятину, но если поблизости был сахарный завод, то эти затраты с лихвой окупались. Урожаи конопли в огромной степени зависели от свежести и качества семян, потому что конопляное семя не может долго сохраняться (горкнет) и быстро теряет силу. На десятину обычно высевали около 10 четвериков семян³. Сеяли обычно в мае, стараясь выбрать сухие дни, потому что сильный проливной дождь, случившийся сразу после посева, забивая глубоко в землю конопляные зёрна, лишает их вовсе всхожести. Обычно, один неурожайный год приходился на 5-6 урожайных. До тех пор, пока всходы не достигнут высоты в 3-4 вершка (12-13 см), посевы необходимо было защищать от диких птиц и домашних гусей. Собирали коноплю в наших краях обычно за неделю до праздника Рождества Богородицы (8 сентября)... Обычно, коноплю выдёргивают руками с корнем, подбирают по росту, связывают в пуки (в нижней окружности – около 70 см) и складывают в копну (по 60 пучков в каждой). Коноплю молотят не развязывая снопов, а после молотбы снопы разбирают и оставшиеся целыми головки растений перетирают руками. Потом пенька 3-4 недели вымачивается в проточной воде. В стоячей воде (например, в озере) пеньку стараются не вымачивать, потому что после мочки пеньки в водоёме нередко гибнет рыба. Потом пеньку сушат и мнут. Стоимость всех работ, включая вспашку, боронование, запахивание навоза, сбор урожая и пр. оценивалась тогда в 28 руб. 80 коп. серебром на каждую десятину. А доход с продажи готовой пеньки составлял обычно около 40 руб. серебром. При низких ценах помещики не продавали пеньку ежегодно, а придерживали её в ожидании лучших цен... Торговля

³ В Указе от 11-ого октября 1835 года "О системе Российских мер и весов" четверик был определён как равный по объёму 26 литрам воды.

пенькой начиналась в апреле и особенно оживлялась в июне (к этому времени становилась известной потребность в товаре у заграничных покупателей). Калуга была в те годы крупным торговым центром. Например, все тульские купцы продавали свою пеньку оптом калужским купцам, а у многих калужских купцов были налажены связи с портовыми купцами Санкт-Петербурга и Риги и даже прямые связи с заграницей. Крупный купец скупал ежегодно пеньки на 100 тысяч рублей серебром...

До войны 1812 года за границей охотно покупали русскую пеньку. После войны спрос резко упал (в отдельные годы – до полутора миллионов пудов), однако потом постепенно рос и в 1839 году достиг трёх с половиной миллионов пудов (на сумму, превышавшую 32 с половиной миллиона рублей)... В том же году было много продано за границу и других продуктов конопляного производства: пакли – больше 250 тысяч пудов, конопляного семени – почти 95 тысяч пудов, верёвок и канатов – 312 тысяч пудов, парусного полотна – больше 60 тысяч кусков.

Доставка пеньки в Санкт-Петербург сухим путём или водою обходилась дешево: в среднем, в 1 руб. 20 коп. ассигнациями за пуд, так что всякий калужский торговец, имеющий даже небольшую партию товара (например, в 5 тысяч пудов), доставлял товар в Петербург за свой счёт. Дополнительные доходы производители получали от продажи конопляного семени, пакли, поскони (используемой для изготовления мешковины и других грубых тканей). Ценным продуктом было также конопляное масло (обычно из 100 кг качественных конопляных семечек получали около 27 кг конопляного масла и 73 кг жмыха). Конопляный жмых – это ценный корм для лошадей, свиней и коров (этот жмых в четыре раза питательнее, чем сено, и в два раза питательнее овса); это также самый лучший прикорм для рыбы... Самым известным в Калужской губернии центром по продаже конопляного масла были Сухиничи. Там в зимние месяцы продавали иногда по 4000 пудов масла еженедельно. Почти всё это масло переправлялось в Санкт-Петербургский порт для продажи за границу. Из Калуги – масло

направлялось, главным образом, в Москву и в отдалённые губернии для внутреннего потребления.

На конопляных полях работали по большей части бабы (обычно, из расчёта 60 работниц на каждую десятину посевов). А мужики многие были на оброке: барин отпускал их на заработки в Тарусу и в Серпухов. В Тарусе была городская толченная мельница с девятью пестами. На ней толкли пеньку, которую в готовом виде отправляли на трепальные фабрики в Серпухов. "Трепачи" зарабатывали по 10-15 копеек серебром (а то и более) за каждый пуд трёпанной пеньки... Много людей со всей округи работали тогда на парусных фабриках в Серпухове (там было тогда 14 полотняных фабрик).

Дом Добронравовых не отличался богатым убранством, но мне запомнились большие окна и светлые комнаты. Моей любимой комнатой был кабинет хозяина. У окна стоял большой письменный стол, всегда заваленный книгами и бумагами,

изразцовая печь

у противоположной стены – выложенная знаменитым калужским изразцом печь, посередине – невысокий столик, а вдоль боковых стен располагались книжные полки, и

деревянные стулья с резными спинками. В этой комнате проходили занятия с домашним учителем, который учил господского сына Серёжу французскому языку, русской грамматике, чтению, письму и счёту и т. д. Мне разрешали бывать на этих уроках, потому что в моём присутствии Серёжа с большим вниманием слушал объяснения учителя. Эти уроки, видимо, и зародили во мне интерес к чтению и учению. Нас начинали учить рано утром, в восьмом часу, и учили много. От русской грамматики мы переходили к французскому языку, от арифметики – к географии, от истории – к геометрии... В те времена в деревенских усадьбах авторитет учителя был, как правило, высок, и даже в богатых домах ученики должны были соблюдать в отношении учителей три правила: не жаловаться, не угрожать и не приказывать.

На книжных полках в кабинете можно было найти и "Историю" Карамзина, и "Энциклопедический словарь" Плюшара, и "Путешествие вокруг света" Дюмон-Дюрвиля, и журнал "Московский телеграф". Читал я много, часто не понимая и половины из прочитанного, но утешаясь тем, что пойму, когда вырасту. Арифметику мы изучали по руководству Меморского⁴. Учитель нередко говорил нам: "Слушайтесь начальства и ведите себя хорошо, а иначе вас "запорют в школе". Оттого "школа" представлялась мне далеко не в самом радужном свете... Дома отец иногда грозил мне розгами, но секли меня редко. Крепостную прислугу, бывало, секли – за воровство, за потерянный по пьянству скот и т. д. Бывало, что тёмные крестьяне, наслушавшись сказок о чудесной стране, где всегда тепло, где нет податей, помещиков и начальства, а земли сколько хочешь, бежали на юг, где, по их убеждению, на Дарье-реке и находилась эта чудесная страна. Некоторым из них удавалось уйти довольно далеко, пока полиция не догоняла их и не возвращала в родную деревню... И в наших местах отдельные любители свободы, случалось, сбегали в Анапу и в "Одесту". Их ловили и пороли – зрелище отвратительное, но с большим воспитательным эффектом...

Серёжина мама была ко мне очень добра: видимо, жалея меня, потому что у меня не было матери. Она пересказывала нам Библию и возила нас иногда в Тарусу на службу в Петропавловский собор. Мой отец был грамотным, но Библию не читал, в церкви бывал

⁴ **Меморский** Михаил Фёдорович (1764?-1820?) "Арифметика в вопросах и ответах, расположенная по новейшему методу – для легчайшего обучения детей" М., 1823. Этот учебник издавался почти ежегодно и стал настольной книгой для детей на протяжении целого века.

только по большим праздникам и на религиозные темы со мной никогда не разговаривал. Зато он часто пересказывал мне "Робинзона Крузо" – его любимую книгу, которую ему подарил какой-то барин. Он также читал мне басни И. А. Крылова, и многие из них я к шести годам знал наизусть. Серёжина мама часто читала нам стихотворные сказки А. С. Пушкина и сказку П. П. Ершова "Конёк-Горбунок" (говорят, Пушкин, прочитав книжку Ершова, сказал: "Теперь этот род сочинений можно мне и оставить"). Благодаря моему присутствию на Серёжиных уроках, к шести годам я уже мог быстро читать, писать и считать на счётах: способности к учению у меня были хорошие.

Первые дни нового (1836-ого) года запомнились трескучими морозами. Птицы падали на землю окоченевшими, термометры замерзали, температура падала до -40 градусов, становилось тяжело дышать. Путешественникам невозможно было выдержать переезд от одной почтовой станции к другой, не заходя по пути по несколько раз в какую-нибудь крестьянскую избу отогреться. Седоки сидели в закрытых повозках, а каково было ямщикам? ... В эту зиму в средней полосе России вымерзли почти все фруктовые сады.

Когда мне исполнилось шесть лет, отец начал приучать меня к труду: учил меня мыть полы и посуду, чистить картошку, стирать и гладить бельё, зашивать порванные рубашки и ставить заплатки на штаны... Прошло много лет, прежде чем я мог поручить все эти заботы служанке...

ТАРУССКОЕ УЕЗДНОЕ УЧИЛИЩЕ
(1836-1839)

В 1836 году, в возрасте шести лет я поступил в Тарусское уездное училище. Обычно, в уездное училище принимали по окончании приходского училища, но, поскольку я уже умел читать, писать и считать, я начал своё образование сразу с уездного училища.

В 1818 году тарусский уездный предводитель дворянства генерал-майор Николай Захарович Хитрово собрал 1305 руб. добровольных пожертвований для учреждения в Тарусе уездного училища, которое было открыто 6 августа 1819 года. Разными лицами на это было единовременно пожертвовано до 221 руб., кроме того, дворянство Тарусского уезда решило в течение 10 лет вносить в пользу училища 1186 руб. 86 коп. Тарусское уездное училище относилось к Московскому учебному округу. В 1820 году на экзаменах в нашем училище присутствовал профессор Московского университета Н. А. Бекетов.... С 1821 года была введена плата за обучение (8 руб. ассигнациями). По Уставу 1828 года (§69), эта плата была отменена. В 1828 году Тарусское уездное училище получило 2600 руб. пожертвований. Это были большие деньги. Для сравнения можно сказать, что в дворянском пансионе при Калужской гимназии на питание пансионеров расходовалось 28 коп. на человека в день... 14-ого октября 1833 года директор губернских училищ С. Я. Унковский преобразовал Тарусское уездное училище по новому Уставу (1828 г.)... Через десять лет после утверждения нового Устава учебных заведений в Калужской губернии в каждом уезде было уездное училище. На содержание каждого уездного училища ежегодно отпускалось по 1414 рублей... В 1838 году Тарусское уездное училище имело уже каменное здание и библиотеку из 266 книг.

В нашем училище было 30 учеников из разных сословий (в том числе трое из дворян, трое из купцов и трое из помещичьих крестьян, а большинство, как и я, – из мещан). Предметы во всех трёх классах преподавались одни и те же: Закон Божий, Священная история, история Церкви; русский язык; арифметика, геометрия (без

доказательств); география; сокращённая всеобщая история и история России; чистописание; черчение и рисование. Судя по размерам учительского жалования, самыми важными предметами считались математика и физика (учителям наук было положено жалование в 750 руб. ассигнациями), а также Закон Божий: законоучителю положено было 500 руб. в год. Учитель рисования зарабатывал только 250 руб. в год. В качестве необязательных предметов по выбору в отдельные годы предлагались основы бухгалтерии, сельское хозяйство и садоводство (занятия по этим предметам проводились в вечернее время). Учителей у нас было пять: законоучитель; учитель русского языка; учитель арифметики и геометрии; учитель истории и географии; учитель чистописания, черчения и рисования. Учителя обязаны были предоставить "достоверные свидетельства в беспорочном поведении". Штатный смотритель, "избираемый из учителей училища, отличившихся ревностью к службе, хорошим поведением и знаниями" (§49 Устава), жил в здании училища и имел чин 9-ого класса (§131 Устава). Учителя наук состояли по чину в 12-ом классе, а учителя рисования – в 14-ом классе ("если чина выше не имеют"). Смотрителем в нашем училище был наш учитель российской словесности Фёдор Иванович Иванов (позднее он переехал в Козельск, где он тоже был сначала учителем, а потом и смотрителем уездного училища).

Учение продолжалось весь год, за исключением пяти-шести недель летних каникул. Уроки продолжались по полтора часа, и каждый день у нас было по 4 урока (кроме среды и субботы: в эти дни занятий после обеда не было; не было, конечно, занятий и в воскресенье). Учителя и в особенности обучающий Закону Божию священник должны были "не терять ни в коем случае из виду главной, т. е. нравственной, цели воспитания". "Надлежащее средство успеха, – говорилось в Уставе 1828 года, – есть привязанность учащихся к наставнику".

В первом классе священник Петропавловского собора отец Леонид преподавал нам Священную историю Ветхого завета (по книге "Начатки христианского учения"), во втором – историю Нового завета, а в третьем – катехизис. Эти предметы мне не нравились, но память у меня была хорошая, и наш законоучитель моими успехами был доволен. Шалунов и неслушников отец Леонид наказывал тем, что ставил их на некоторое время в угол. Смотря куда-то вниз и неизвестно к кому обращаясь, он говорил:

– Есть ли у нас в классе такой-то?

– Есть.

– Так вот, пусть он пойдёт и станет в угол.

Виновный (прекрасно зная, в чём он виноват) не оправдывался, а безропотно шёл в угол, потому что знал, что через несколько минут отец Леонид скажет:

– Пусть такой-то оставит угол и займёт своё место.

Никто не помнил случая, чтобы отец Леонид кого-нибудь отодрал за уши, или даже обозвал грубым словом. И ученики, бывало, сами одёргивали своих расшалившихся товарищей, которые бессовестно пользовались добротой своего учителя... Учение заключалось в том, что мы все открывали учебники на нужной странице и начиналось "отмечание урока", то есть учитель говорил нам, какие параграфы и строки можно пропустить, а какие необходимо заучить наизусть, а мы отмечали их карандашом.

Русскому языку учил нас Фёдор Иванович Иванов. В первых двух классах мы изучали грамматические правила, а в третьем классе упражнялись в правописании...

Важным предметом была математика. В первом классе она была лёгкая: мы занимались устным счётом и решением простых задач и примеров на все четыре арифметических действия – всё это было, по сути дела, повторением того, что я уже хорошо знал; во втором классе начались дроби – простые и десятичные; а в третьем – материал ещё больше усложнился: Иван Артемьевич (фамилию не помню) учил нас извлечению квадратных корней, а также геометрии... Физическая география показалась мне скучной, но названия всех европейских стран и их столиц я знал назубок. В 3-ем классе мы занимались, в основном, повторением пройденного.

Моим самым любимым предметом была история (главным образом – греческая и римская). А в третьем классе мы познакомились и с историей России (правда, в очень беглом изложении). Но и краткого изложения было достаточно, чтобы понять, какую огромную роль сыграл в истории российского государства Пётр Великий... Самым моим любимым учителем был наш историк – Евгений Петрович Сажин. Этот умнейший человек очень многому меня научил. Именно ему я обязан своим интересом к истории, который сохранился у меня на всю жизнь. Евгений Петрович охотно отвечал на мои бесчисленные вопросы. Он учил меня находить в тексте главную мысль и иллюстрировать общие мысли фактами из книги, располагать исторические события на хронологической лестнице,

делать выписки из книг на отдельных листах и сортировать их по датам или по темам. Обсуждать с ним прочитанное было не только интересно, но и очень полезно, потому что попутно я узнавал многое из того, о чём иначе, наверное, никогда и не услышал бы... Он дал мне для прочтения известную книгу Шлёцера. Вторую часть этой книги, посвящённую астрономии, геологии и истории изобретений, я читал с большим трудом. Но из первой части я сделал немало выписок:

Шлёцер (Schlözer) Август (1735-1809)

Введение во всеобщую историю для детей (издание 1829-1830 гг.)

Из предисловия переводчика:

Оно (Введение) не есть совершенное, но, смело сказать могу, лучшее в своём роде, не только для русских, бедных историческими пособиями, но и для прочих европейцев, богатых ими... Учителю должно предупреждать детей: "У всякого предмета есть много разных сторон: с одной могут смотреть дети, с другой – взрослые и т. д.; вам теперь говорится кое-что, а больше вы узнаете после" (М. Погодин).

Шлёцер включил в книгу "Предисловие к детскому учителю": Здесь предлагается не всеобщая история, но географическое, политическое и историческое введение в оную... Я никак не думаю, – пишет Шлёцер, – чтобы краткость и сосредоточение мыслей не соответствовали существу учебной книжки, а, напротив, почитаю это необходимою её принадлежностью... Заставляйте ребёнка приискивать все упоминаемые названия стран, мест и рек на географической карте, а все даты – на хронологической таблице... Есть дети, которым противны все книги. Есть и другие, которые, например, к математике имеют охоту и способность, а к истории – нет. От сих обоих я отрекаюсь...

NB Мне казалось до крайности неестественным, – продолжает Шлёцер, – рассуждать о государствах, царях и завоеваниях с ребёнком, который не имеет ни малейшего понятия о гражданском обществе, о *contract social*, о *force publique* и т. д. Значит, надо либо дать ему такие понятия, либо не мучить его историей...

Эта книжка рассчитана на подготовленных детей. Подготовленными детьми я считаю детей, которые, будучи в возрасте 7-8 лет, уже умеют читать, писать и считать, имеют некоторые сведения из географии и естествознания...

*

Друг мой! Твой прародитель есть вместе с тем и мой. Его звали просто Адам, а не господин Адам. Все твои князья – твои родственники. И все твои слуги – тоже. Люди по своему происхождению равны между собой. На острове Ямайке есть, говорят, английские купчихи, которые не верят, что их чернокожие невольницы произошли от таких же людей,

как они... Очевидно, что со времени Адама люди не только размножились, но и чрезвычайно изменились. Наша Земля, которая представляет собою большой шар, тоже изменилась. И климат изменился. Некоторые тёплые страны сделались холодными и наоборот.

Многочисленные и разнообразные изменения были вызваны частью природой, а частью – человеком. Например, между Англией и Францией когда-то не было пролива. А теперь есть. Это сделала природа. А каналы соединяют водным путём моря и реки, которые прежде не были друг с другом соединены. Это сделал человек! Можно сделать и Южную Америку островом, если прокопать Панамский перешеек! Большая часть Голландии была прежде морем. Но люди отгородили побережье, откачали воду, и теперь пашут там, где прежде ловили рыбу... Было время, когда в Германии не росло ни пшеницы, ни льна, ни картофеля. Всё это было привезено туда из Азии и из Америки... В Испании и в Португалии растут теперь целые апельсиновые леса, а за 200 лет до того во всей Европе не было ни одного апельсинового дерева... О животных можно сказать то же, что и о растениях. Многие из них были завезены в новые места людьми... Медведей больше нет в Англии, а в древности британские медведи плясали на римских площадях так же часто, как пляшут нижегородские медведи на улицах Москвы...

Люди тоже изменяются – и телом, и душою... Одни люди очень умны и понимают множество искусств и знают тысячу вещей. Другие – невежды, которые, кажется, и не могут узнать ничего. Умные люди – это европейцы. Они умеют читать и писать, делать чулки и пушки и много чего ещё. А вот в Южной Америке есть, говорят, целый народ, который умеет считать только до пяти... А в Африке есть люди, которые других людей жарят, как свиней, и пожирают... В жарких странах люди обычно ленивее: им не надо много заботиться о жилье и пище. А в некоторых северных странах люди пьют слишком много крепких спиртных напитков и оттого превращаются в скотов...

Платье само по себе не делает никого ни умным, ни глупым. Монтескье будет Монтескье и в мужицком армяке, а мужик останется мужиком и в буклях... Охотничьи народы обычно более дикие, чем земледельческие. Но более всего дикость зависит от отсутствия образования.

Удивительное дело – человек! Отличие его от животного состоит не в том, что он имеет ум, а в том, что он может совершенствовать ум...

Одна девочка почти с рождения оказалась в стаде диких овец. Она бляла по-овечьи, не ела ничего, кроме травы, не научилась говорить и осталась без ума. А ты, счастливец, родился между людьми, научился говорить и читать, поумнел, и, Бог даст, будешь ещё умнее...

"Недобр^о бы^ли человеку единому". Многим было бы худо (например – маленьким детям), если бы их оставили одних. Поэтому искони был обычай на свете, чтобы, частью от нужды, а частью от скуки, муж и жена, родители и дети жили бы вместе, одним семейством. Разные семейства, объединяясь между собой, образуют общество.

Не все люди равно умны. Одни бывают умнее других. В Западной Африке есть дикие люди, которые любят сидеть у огня, оставленного на берегу заезжими матросами, пока этот огонь не погаснет. Но ни одному из этих дикарей не приходит в их обезьянью голову мысль: "Дай-ка я подброшу в костёр дров – он тогда и не погаснет!" ... Большинство людей, как и животные, делают только то, что другие делают и что предки их делали исстари. Но между людьми являются иногда (может быть, по одному в сотнях тысяч) гении – умные головы, люди, которые изобретают что-то новое. Это самые важные люди в истории человечества... Часто одно изобретение влечёт за собою сотни других, которые не могли бы быть сделаны без этого первого. Многие великие изобретения сделаны по счастливому случаю. Оттого мы не знаем, кому принадлежит честь и слава за эти изобретения...

К сожалению, всегда находятся на свете люди, которые стараются вложить другим людям в головы мысли вредные, хотя и новые. Изобретённые искусства должны быть полезны.

Люди от рождения мало отличаются от зверей и начинают становиться людьми, когда вступают в человеческое общество. Общество, чтобы упрочить своё существование, учреждает государство, правительство и законы. Без этого люди не могут вполне стать людьми, а останутся лишь стадом диких животных.

Дети часто делают многое, что приносит им вред. Но и многие взрослые не умнее детей. В Петербурге, когда по весне лёд на Неве делается тонок, находятся безрассудные люди, которые хотят перебежать по тонкому льду на другую сторону и гибнут. Гибло бы больше, если бы часовые с палками не отгоняли их от реки.

Где много детей вместе, там часто затевается ссора. Где много взрослых вместе, там тоже нередко затевается ссора. Когда подерутся дети, приходит отец с розгой и устанавливает порядок. А когда подерутся взрослые, кто может установить порядок? Чтобы избежать этих раздоров, люди и объединились в общество и выбрали промеж себя справедливого судью, который решал бы спорные вопросы. И все согласились ему помогать в исполнении его решений. Благодаря этой помощи, слабый человек становится могущественным, и решения его становятся постепенно законами, обязательными к исполнению, а сам он и его ближайшие помощники становятся правительством.

Правитель, который исполняет свою должность по совести, не делает ничего, что не имело бы целью благо его подданных. А иначе он называется тираном.

Управлять государством – трудное дело. Особенно – если государство большое.

Со званием правителя сопряжены, как и следует, большие богатства и почести. Поэтому в истории часто находились алчные и честолюбивые люди, которые стремились покорить других людей силою, принудить их к повиновению. Если они не достигали своей цели, то их называли разбойниками и вешали. А если достигали, то их называли завоевателями и все подчинялись им, пока они были живы...

Боже! Как бестолковы люди! Весьма немногие добровольно вошли бы в стойло государственное, если бы их не загнали туда дубиной. А значит, большинство людей предпочли бы оставаться дикарями, и никогда не стали бы сознательными гражданами, если бы какой-нибудь злодей, ради собственной выгоды, не принудил их к этому!

Многие государства в древнем мире были основаны завоевателями. Но после смерти завоевателя в государстве нередко сохранялся порядок, и в этом смысле ! злодеи приносили некоторую пользу обществу. Как есть немало красивых городов, заново отстроенных после разрушительного пожара, так есть и немало счастливых государств, основанных завоевателями. Есть также примеры людей, сделавшихся государями путём обмана и насилия, но правивших так хорошо, что люди забыли их прошлое (например – Борис Годунов).

Ни один государь не может управлять в одиночку. У него много помощников, которые действуют от его имени. Эти помощники – государственные чиновники. Все вместе – они составляют правительство.

Иногда вместо одного государя (монарха) выбирают несколько лучших сограждан (аристократов), а в случае разногласий между ними следуют правилу большинства голосов. У некоторых народов к государю присоединяют благоразумных граждан, у которых он спрашивает совета (например – парламент в Англии).

Совершенно ясно, что без правительства люди снова стали бы дикими, и никто не смог бы чувствовать себя в безопасности.

Первоначально государей выбирали. Но поскольку выборы часто были связаны с обманом, насилием и кровопролитием, договорились передавать власть по наследству.

Где Лондоны древнего мира? Где Вавилоны и Карфагены? Камня на камне от них не осталось... Изучать изменения земли за тысячи лет, разыскивать причины, отчего одна страна такую сделалась, а другая иная, – это и значит учиться всемирной истории.

Чистописанию, черчению и рисованию учил нас Василий Иванович Новиков. В свободное от занятий время учитель должен был "чинить" (затачивать) для нас перья. Ученикам чинить перья и иметь ножи не позволялось (во избежание порчи мебели). Писали мы гусиным пером, обмакивая его в чернила (перья кур и индюков для письма были абсолютно непригодны). Процесс изготовления этих инструментов требовал определённого умения. Ранней весной у молодого сильного гуся надо было вырвать одно из пяти основных перьев его левого крыла (правые перья из-за их обратного наклона

загораживали написанную строку). Затем перо обжигалось в горячем песке, чтобы оно стало сухим и жестким, после чего кончик заострялся перочинным ножом.

В старое время Россия обеспечивала перьями не только отечественное чиновничество, но и вывозила этот товар на продажу в Европу. Только в Англию в XVIII веке ежегодно поставлялось почти 30 миллионов перьев. Написанный гусиным пером текст посыпали мелким кварцевым песком. Московские учреждения пользовались песком с Воробьёвых гор, который считался особенно светлым и чистым... Металлическое перо для ручки было изобретено ещё в 1803 году. Но механизированное производство стальных перьев началось только в 1830-ых годах (в английском городе Бирмингеме). В 1828 году английский предприниматель Джеймс Перри (James Perry) стал выпускать перья с расщепом, а в 1830 году он взял на вооружение способ, позволявший делать стальные перья более упругими путём просечки отверстия в центре пера между кончиком и крыльями. Однако в то время эти изделия были ещё очень дороги, и поэтому не только ученики в школах, но и чиновники в учреждениях писали гусиными перьями⁵.

Обращение с пером и чернилами требовало определённых навыков и природной сноровки. Если нажим был недостаточный, то перо царапало бумагу, если слишком большой – оставляло чернильные кляксы, которые тогда были символом неряшливости. Чистописание было для меня одним из самых трудных предметов. Иногда приходилось переписывать одно и то же упражнение по многу раз, потому что как раз в тот момент, когда почти всё уже написано, большая клякса обесценивала всю проделанную работу. К тому же, все буквы и цифры должны были выглядеть как в прописи, и различные элементы каждой буквы должны были быть выполнены с различным нажимом. Однако все эти сложности окупались с лихвой: буквы из-под перьев выходили ровными, красивыми, соединительные линии были тонкими... С черчением я кое-как справлялся, а

⁵ Гусиные перья применялись в России для письма вплоть до середины XIX века.

вот рисование давалось мне с большим трудом. Простые геометрические тела и предметы я ещё мог срисовать с натуры, даже с правильными светотенями, а вот нарисовать яблоко было уже намного труднее, не говоря уже о человеке и о животных (изображению одушевлённых предметов я за всю свою жизнь так и не научился)...

Помню свой первый день в училище: я увидел в дверях отставного солдата в дырявой шинели нараспашку. Терентьич исполнял в училище много должностей: он был сторож, истопник, блюститель тишины и спокойствия и оберегатель нашей нравственности во время отсутствия учителей. "Топорков, шалишь!" – кричит, бывало, Терентьич, грозно приподняв голову. "Ей-же ей не шалю", – жалобно отвечает Топорков, это Свистунов толкается. "Врёт он!" – кричит Свистунов, а сам – толк ногой Топоркова – и уткнулся в книгу, будто он тут ни при чём. Но Терентьича не проведёшь. Он заметил возмутителя спокойствия и огрел его по спине попавшейся под руку метлой... Терентьич не забывал своего дела: кого-то оттрепал за уши, кому-то "напудрил хохол" и "поднёс под нос", а кому-то "пробил на спине зорю". Всё это было столь обычно в те времена, что все, кроме наказуемого, видели в этих наказаниях развлечение и нередко смеялись, видя скорченное от боли лицо "преступника"... Входит учитель. Все почтительно встают и кланяются. "Смирно ли было?" – спрашивает он Терентьича.

– Не совсем, ваше благородие. Вот Свистунов...

– А ты куда же смотрел?

– Я спуску не дал.

– Ну ладно, ладно, иди отдыхай.

Терентьич идёт "отдыхать" в ближайшее заведение, и урок продолжается... Потом и учитель идёт "отдыхать". "Гуськов! – кричит он, – отвечаешь за порядок". "Смирно!" – кричит Гуськов – и все застыли в полной тишине, муха пролетит – слышно. "Вольно!" – Что тут начинается! Все бегают, кричат, борются друг с другом, прыгают по столам, дерутся на кулаках... "Поучить новичка!" – командует Гуськов и толпа двинулась ко мне. "Отставить!" Входит Терентьич. Он в добром настроении, много шутит, все хохочут. "Ну что, Гуськов, небось проказничали тут?" "Да нет, сидели смирнёхонько", – храбро отвечает Гуськов. "Ну молодцы, молодцы"...

Входит учитель арифметики. К следующему разу выучить первую страницу "Арифметики" – говорит он. Проверял наши ответы по книге всё тот же Гуськов. И досталось бы мне от него неминуемо, но отец как-то напёк вкусных пирожков с капустой для Терентьича и для всех учителей – и Гуськов со своими подпевалами оставили меня в покое... А вскоре он сам подвергся наказанию и унижению и сошёл с "политической сцены". "Гуськов, склоняй *гриб*", – говорит ему наш учитель грамматики и правописания Фёдор Иванович. "А *гриба* в учебнике нет", – отвечает Гуськов.

– Как! *Гриба* в грамматике нет?

– Никак нет, извольте проверить сами.

– Ну, склоняй, как *стол*.

Гуськов склоняет: *стол, стола, столу*... Рассердился учитель на его непонятливость и поставил его перед всем классом на горюх на колени...

Наказания применялись разнообразные: неопрятным тут же мыли лицо и руки – перед всем классом, имена провинившихся произносили в конце каждого урока иногда по две-три недели – это считалось позорным наказанием, иногда вешали на спину ярлыки с надписями "лентяй", "шалун" и др. За серьёзные проступки полагались розги. Публичные наказания розгами имели на присутствовавших различное действие. Одни плакали из сострадания к несчастному, другие негодовали на мучителей, а для большинства это зрелище было развлечением, иногда даже вызывавшем смех...

Почти все необходимые нам книги можно было найти в училищной библиотеке. Арифметику мы изучали по книгам Ф. И. Буссе: "Руководство к арифметике, для употребления в уездных училищах Российской империи" (1833) и "Собрание арифметических задач, расположенное по Руководству к арифметике, составленному для уездных училищ" (1832); русскую историю – по книге: "Краткое начертание российской истории, составленное для руководства при первоначальном изучении российской истории профессором Иваном Кайдановым" (1834); географию – по учебникам Гейма⁶ и Арсеньева⁷. Из других учебников использовались "Естественная история" В. Ф. Зуева,

⁶ Гейм Иван Андреевич (1759-1821). Краткая география для детей, изданная по руководству И. А. Гейма (1826)

⁷ Арсеньев Константин Иванович (1789-1865). "Краткая всеобщая география" (СПб., 1818) - самый популярный учебник географии до середины XIX века.

"Краткая российская грамматика" Е. Б. Сырейщикова, "Краткое руководство к геометрии для народных училищ" М. Г. Головина, "Краткая священная история церкви Ветхого и Нового завета, изданная для народных училищ Российской империи" Ф. И. Янковича де Мириево.

Священная история и Закон Божий были самыми скучными предметами. А моим любимым предметом, как я уже говорил, была история. Правда, книга Кайданова показались мне слишком сухой, но вот из "Истории России в рассказах для детей" А. И. Ишимовой я сделал много выписок:

Ишимова Александра Иосифовна (1804-1881)

История России в рассказах для детей (1837-1840)

980-988

На пирах великий князь Владимир и семейство его угощали от души гостей своих и не сердились, если гости от больших кружек вина и мёда делались очень веселы и говорили смело всё, что думали.

1019-1054

Ярослав был князь умный, храбрый, справедливый. Он думал не столько о завоеваниях и победах, сколько о счастье своего народа; заводил училища в городах; уговаривал подданных отдавать туда детей; вызывал из иностранных государств художников для украшения церквей и дворцов киевских; собрал все законы, по которым предки его управляли землёй Русской, и приказал записать их – это была первая книга законов, она называется "Русская Правда". Слава его была так велика, что и отдалённые государи уважали знаменитого князя русского и считали за честь быть его союзниками и родственниками: король французский Генрих I женился на одной из дочерей его – княжне Анне, другая была за королём венгерским, а третья – за Гаральдом Смелым, принцем норвежским, ставшим впоследствии королём.

1147

Москва была основана князем Георгием (Юрием) Долгоруким в 1147 году.

1178-1185

Из первого русского стихотворения:

"Плач Ярославны" взят из первой русской поэмы, которая называется "Слово о полку Игореве" (XII век). Мы называем её первой, потому что она была первая, до нас дошедшая, но надобно думать, что и до того времени были поэты русские.

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале:
"О ветре, ветрило! Чему, господине, насильно вееше?
Чему, господине, мое веселие по ковылю развея?..
О, Днепре Словутицю! Ты пробил еси
Каменные горы сквозь землю Половецкую.
Ты лелеял еси на себе Святослави носады.
Взлелей, господине, мою ладу ко мне,
А бых не слала к нему слёз на море рано".

"Забрало" значит "городская стена". "О Днепре Словутицю!" значит "О, Днепр славный!"
"Носады" значит, видимо, "остроносые челны".

У добрых родителей бывают нередко дурные дети. Это удивительно, однако случается довольно часто, и случилось даже в семействе добродетельного Александра Невского...

1328 -1340

Иван Калита

Зная, что все несчастья России происходили от несогласия и слабости князей, он старался с самого вступления своего на престол иметь под своей властью все другие княжества. Он первый назвал столицей России Москву. Его называли собирателем земли Русской. Иван радовался, что деньгами, а не кровью мог покупать спокойствие своих подданных.

1380

Дмитрий Донской

В княжение Дмитрия Донского предки наши перестали употреблять куны, или кожаные деньги, и начали делать мелкую серебряную монету по образцу татарской. Татары называли свою серебряную монету тангою. И русские называли так же свою. Это название несколько изменилось потом: из танги сделались деньги... В последний год княжения Дмитрия Донского появилось у нас огнестрельное оружие, выпущенное предками нашими из немецкой земли.

1462-1472

Иван III

Иван III освободил нас от власти татар, он возвратил отечеству нашему прежнюю славу его, наконец он воплотил великую мысль об объединении всех удельных областей под властью одного государя. Иван, назначенный Богом воскресить отечество наше к славе и счастью, никогда не делал ничего необдуманно и неосторожно. Он прежде долго рассуждал о том, как лучше исполнить своё намерение, приготовляя всё нужное к его исполнению, а потом уже приступал к делу. Так было и с покорением Новгорода. Беспрестанными ссорами и беспорядками своими новгородцы доказали, как вредна им свобода. Во время этих ссор многие из старейших новгородцев обижали младших граждан, которые, не видя справедливости в судьях и в наместнике государя московского, решили наконец просить его самого приехать к ним для разбора дел. Так новгородцы, 600 лет называвшиеся людьми вольными, покорились Ивану III.

1480

8 октября 1480 года войско русское и войско татарское стояли одно против другого на берегу Угры. Две недели оба войска смотрели друг на друга, ничего не предпринимая: Ахмат поджидал литовцев, Иван высматривал, где удобнее всего сражаться. Наконец выбрал для этого Боровские поля и приказал своему войску отступить туда. Бояре и воины удивились и с досадой подумали, что государь их боится сражения, они не поняли осторожного Ивана. Татары же, вообразив, что русские, нарочно отступая, заманивают их в приготовленные засады, поспешили уйти. Странно было смотреть на эту картину: два войска бежали друг от друга, хотя никто не гнался за ними.

Василий IV (отец Ивана IV) первый начал ездить на охоту с собаками, прежде русские считали этих животных нечистыми и не любили их.

1543

Детство и юность Ивана IV

Охота, во время которой люди с таким весельем убивают невинных животных, располагает сердце к жестокости, и дети, так легко воспринимающие все впечатления и не имеющие ещё рассудка взрослых людей, никогда не должны видеть охоту, а не только сами участвовать в ней... Иван, глядя почти каждый день на травлю диких зверей, невольно привык к такой жестокости, и для него сделалось удовольствием мучить и домашних животных. С таким воспитанием вовсе не удивительно, что жестокость Ивана постепенно увеличилась, и через несколько лет ему захотелось уже мучить и людей... Для этой забавы он держал медведей. Когда добрый народ сходил на площадь дворцовую, поглядеть на своего государя, он приказывал выпускать двух или трёх медведей, которые бросались на всех, кто не успевал убежать от них. Так царственное дитя, одарённое от природы редким умом и великими способностями, проводило своё драгоценное время...

Государь, входя в возраст, не любил ни в чем противоречий и, с малолетства приученный к жестокости, не имел никакого понятия о сострадании и не жалел никого. Так, одному придворному чиновнику за несколько дерзких слов отрезали язык; а пятидесяти новгородцам отрубили головы за то только, что они осмелились пожаловаться Ивану на притеснения, какие делали им бояре. Одним словом, **!!! несколько лет первой молодости Ивана IV предвещали столько жестокостей и столько бедствий для его подданных, что только одна беспредельная привязанность русских к государю своему помогла им перенести страдания их.**

1547

Чудесная перемена

Иван, вскоре после того как ему исполнилось семнадцать лет, объявил митрополиту и вельможам, что он намерен короноваться. Мысль о высоком звании, о важности обязанностей его, о присутствии Бога, принимающего обещание царей любить подданных, как детей своих, – всё это вместе подействовало так сильно на пылкую душу Ивана, что, выходя из церкви, он истинно желал сделать счастливыми всех своих подданных. **! Народ, восхищённый надеждою на будущее счастье, с восторгом бросился к царю и оборвал с него всю золотую парчу.** Каждому хотелось иметь хоть маленький лоскуток в память этого незабвенного дня. Вместе с нравом Ивана переменялось и всё его

окружение. ! На Кремлёвской площади уже не слышны были крики людей, бежавших от злых медведей.

Многие из старинных государей наших не хотели жениться на принцессах иностранных и выбирали невест из своих подданных. Для этого привозили из всех мест России молодых девиц, прекрасных собою, дочерей бояр и дворян (знатных и незнатных, богатых и бедных), и государь выбирал из них ту, которая более всех ему нравилась. Иван выбрал из всех красавиц самую скромную и оттого самую прелестную – Анастасию, дочь небогатой вдовы Захарьиной. Покойный отец невесты Роман Юрьевич был окольничим. От этого Романа Юрьевича произойдёт впоследствии поколение Романовых – царствующего дома России. Анастасия была дочерью знаменитого родоначальника царей наших.

Великие способности Ивана Васильевича с каждым днём более и более удивляли подданных его. Несмотря на множество различных и трудных занятий, несмотря на чрезвычайную молодость свою, он принялся за дело самое важное для государства – законодательство. Вместе с умнейшими боярами он рассмотрел все прежние законы великих князей и "Уложение" Ивана III и, дополнив его новыми постановлениями, издал в 1550 году книгу законов – "Судебник".

1552

Покорение Казани

Казанцы беспрестанно нападали на наши области. Всегдашняя ненависть их к русским сделалась ещё сильнее с тех пор, как Казанью завладели крымские ханы. Покорение этого мятежного народа дорого стоило русским, несмотря на то что они имели гораздо больше познаний в военном искусстве, нежели казанцы: здесь в истории нашей в первый раз говорится о подкопах, с помощью которых русские взрывали стены и башни казанские. Казанцы, решившись скорее умереть, нежели покориться, сражались отчаянно. Они поджигали свои дома, сражались даже на улицах, и наконец царь их Эдигер с остальными казанцами ещё около часа защищались в укрепленном царском дворце.

1553

Англичане

В августе 1553 года в Двинский залив Белого моря вошёл английский корабль и пристал к берегу, где был монастырь Святого Николая и где потом построили город Архангельск. Капитан корабля Ченселер сказал, что он приехал из Англии с письмами к государю от своего короля, который желает завести с русскими торговлю. С того времени начались торговые сношения русских с англичанами, и дружеские отношения государей их продолжались во всё время царствования Ивана.

1560-1569

Опричнина

Слава Ивана добродетельного кончилась с жизнью супруги его, и, оплакав первую царицу свою, предки наши приготовлялись к тем горьким слезам, которые проливали они потом от жестокостей грозного и страшного своими пороками Ивана. Бедные предки наши видели перед собой государя, который был жесток не к врагам, а к верным подданным своим, который с удовольствием мог смотреть на мучения умирающих, который иногда

даже собственными руками отрезал в шутку уши у верных слуг своих или убивал их за одно неосторожное слово.

Любимцами Ивана сделались теперь люди, отличающиеся не благородством, не добротой души, а злостью, клеветой, низкими доносами. Добрые же бояре каждую минуту боялись смерти или опалы. Многие из них от страха уходили в Литву и в Польшу. В числе их был, к сожалению всех русских, и знаменитый герой, участвовавший в завоеваниях Казани и Ливонии, прежний любимец царя князь Андрей Курбский.

В конце 1564 года услышали вдруг, что царь со всем двором отправился в слободу Александровскую. "Не желая терпеть измен, мы от жалости сердца оставили государство и поехали, куда Бог покажет нам путь!" – говорил Иван в своём письме к митрополиту. Этого было довольно, чтобы встревожить весь народ, которому безначалие казалось страшнее всех жестокостей. "Государь оставляет нас! – кричали с горестью москвитяне. – Мы погибам! Кто будет нашим защитником от чужеземцев? Кто будет начальником царства нашего?" ! И в эту минуту отчаяния все пороки, все злодеяния Ивана исчезли из глаз доброго народа.

Новые ужасы начались вместе со страшной опричниной. В неё выбраны были молодые люди, отличные не достоинствами, а удальством и дерзкой готовностью на всё. Доносы их на людей земских были бесконечны, злодеяния – бесчисленны, ненависть к ним всего народа – неопишима. Но они не огорчались этой ненавистью: чем сильнее ненавидели их, тем более доверия имел к ним царь Иван. Величие России не могло быть продолжительно при таком государе и при таких происшествиях в государстве...

1672

Пётр I

Имя это – славное, великое, равно прославляемое русскими и в раззолоченных палатах вельмож, и в бревенчатых домиках крестьян. Достопамятный, навеки незабвенный для России день – 30 мая 1672 года. Это день рождения Петра... На российском троне является государь, назначенный судьбою произвести в отечестве нашем тот великий переворот, который в полной мере может назваться чудесным, неслыханным ни у каких народов! Все они, начиная с самых древнейших, просвещались постепенно. Русские же сделали это вдруг, как будто по какой-то волшебной силе. Эту волшебную, удивительную силу Бог, покровительствующий России, вложил в душу любимца своего – Петра.

1682

Царь Алексей Михайлович, видя особенную страсть сына своего к военным занятиям, собрал нескольких детей одних лет с Петром, приказал сделать для них разное маленькое оружие и выучить их всему, чему учились солдаты. Тут-то начались для Петра праздники с утра до вечера, он играл и учился со своими маленькими воинами, и саблю почти никогда не снимали с храброго малютки, случалось даже, что он засыпал вместе с нею.

Потом определён был к нему учителем дьяк Никита Моисеевич Зотов. Он учил его читать и писать по-русски, а также учил его истории – всеобщей и, в особенности – отечественной. О, если бы вы могли представить себе, как эти рассказы нравились Петру!

Какой огонь блистал в глазах его, когда он слышал о храбрости Святослава или Владимира! Как весело улыбался он при победе Донского! Как восхищался великими делами Грозного! Как огорчался его преступлениями! Зотов в полной мере достиг цели своей: пятилетний царевич, несмотря на младенческий ум свой, понял, что государя только история может научить царствовать, и полюбил эту науку более всех других. Иногда, слушая описание какого-нибудь города или крепости, он просил, чтобы ему показали планы их, и, к удивлению всех окружавших, рассматривал их с внимательностью и любопытством взрослого человека. Нередко добрый Зотов, несмотря на всё своё усердие, не в состоянии был отвечать на беспрестанные вопросы своего ученика и принуждён был прибегать в таких случаях к учёным иностранцам, находившимся на царской службе...

Лефорту было чем занять любопытного мальчика, было что рассказать. Он так много странствовал по разным государствам, так много видел на свете и хорошего, и дурного, что в разговорах с ним Пётр мог беспрестанно узнавать что-нибудь новое и полезное. Лефорт заметил, что маленькому слушателю более всего нравились рассказы об иностранных войсках и об их устройстве. Не было конца расспросам об их вооружении, одежде, ученье – любопытный царь хотел знать малейшие подробности. Лефорт, чтобы удовлетворить желание его в полной мере и удивить приятной неожиданностью, выбрал пятьдесят человек потешных, одел, вооружил и обучил их совершенно по-европейски и однажды утром привёл всех ко дворцу. Двенадцатилетний Пётр был в восхищении, увидев перед глазами своими то, о чём прежде так много слышал, и едва узнавал товарищей своих в новых мундирах.

Пётр сделал Лефорта командиром новой роты, а сам, чтобы изучить в совершенстве военное искусство, записал себя в эту роту простым солдатом. И не подумайте, что он не имел намерения исполнять обязанности нового звания. Нет, напротив того, не было солдата усерднее и исправнее. Он не только спал в общей палатке солдат, обедал за одним столом с ними и носил такую же одежду, но стоял по очереди на карауле и отправлял все солдатские работы – например, возил землю к строившейся крепости. Он даже сам сделал тележку, на которой возил эту землю. Одним словом, он хотел на собственном опыте узнать все трудности военной службы.

Вот первое великое дело Петра! Его служба рядовым в роте потешных доказала самым надменным приверженцам старинных предрассудков, что не знаменитые предки, а собственные заслуги составляют достоинство человека.

Каждый день несколько часов проводил Пётр за военно-математическими науками. Учителем его в этом предмете был один искусный артиллерийский поручик – Франц Тиммерман, лично им выбранный из офицеров Пушечного двора (Петру после коронования его официально уже не давали учителей: у предков наших не было обыкновения, чтобы коронованный государь продолжал учение).

1691-1697

Начало русского флота и первая победа Петра

В 1691 году выписаны были мастера из Голландии и построена корабельная верфь на озере Переяславском. Главный мастер Арриен Меетье должен был заложить две яхты одинаковой величины: одну для себя, другую для самого Петра. Пётр, прошедший всю сухопутную военную службу, хотел с такою же точностью узнать и морскую. Более того, он хотел иметь полное понятие не только о том, как надобно служить на корабле, но даже и о том, как надобно его строить. Вот два мастера принялись за работу. Собственными руками исполнял Пётр всё показанное ему, собственными руками клал каждую доску, вколачивал каждый гвоздь, и вскоре спустилась на воды Переяславского озера первая русская яхта. А когда новый флот состоял уже из пяти судов, водные прогулки перестали быть простым катаньем, а представляли собой морское учение и даже сражения.

19 июля 1686 года Азов, стеснённый с моря и с суши искусными распоряжениями Петра и его генералов, принуждён был сдаться. Победитель позволил жителям выйти и взять с собой столько имущества, сколько можно было унести на руках.

Пётр, обладая всеми прекрасными качествами души, имел также и необыкновенную скромность... Москва готовилась встретить возвращавшихся победителей... После множества богато убранных верховых лошадей, принадлежавших генералам, ехала торжественная колесница, сделанная в виде раковины, украшенная золотом и запряжённая шестью серыми лошадьми. В этой колеснице сидел тот, кого Пётр хотел почтить более всех, – Лефорт. На нём был белый морской мундир, обшитый серебряными галунами. За колесницей шли морские офицеры и матросы, бывшие под начальством его, и все находившиеся на русской службе иностранцы. После множества знамён, сопровождаемых трубачами и литаврщиками, несли большое знамя государево, на котором изображён был Спаситель. За знаменем ехал боярин и большой воевода (т. е. главнокомандующий) Алексей Семёнович Шеин в чёрном бархатном кафтане, в шапке с белым пером и с обнажённой саблей в руке. После него ехал воевода артиллерии Вельяминов-Зернов, за которым солдаты тащили по земле турецкие знамёна. За этим ехал дивизионный генерал Артамон Головин, полковник Семёновского полка Чэмберс и только потом шёл пешком со своею ротой капитан Преображенского полка Пётр Алексеев, в простом офицерском мундире ... Знаменитый день 30 сентября кончился фейерверками. Простой народ долго не мог понять, каким чудом эти прекрасные разноцветные огни летали по воздуху. И как бы вы думали, кто занимался этим делом? Сам Пётр! Он не только приготавливал собственными руками фейерверки, но часто даже сам зажигал их.

Окружавшие Петра удивлялись, как этот великий ум мог в одно время заниматься и важными делами, и мелочами. Случалось, что Пётр посреди самых глубокомысленных размышлений о каком-нибудь великом предприятии принимался за починку: не один раз он сам чинил башмаки свои...

Пётр считал мореплавание лучшим средством к просвещению народов. Через моря и корабли самые отдалённые государства могут сообщаться и передавать друг другу свои познания и образованность. Но, к сожалению, по берегам Чёрного моря были не такие государства, у которых можно было бы заимствовать просвещение. Взгляните на карту,

вы увидите там только полудикие области Азии с одной стороны и чуждую христианской вере Турцию с другой. Подле владений Петра было ещё одно море – Белое. Но и это представляло так же мало выгод, как и Чёрное. Из-за близости к холодному полюсу оно было каждый год так долго покрыто непроходимыми льдами, что не много оставалось тёплого времени для прохода кораблей. Где же искать самую близкую дорогу к образованным царствам Европы? С этим вопросом Пётр остановил взор свой на море Балтийском...

1698

Непонятна была для современников неутомимость этого гения! Иностранцы едва верили глазам своим, видев царя в один день и за станом ткача, и с циркулем математика, и с молотом кузнеца, и с листом самой тонкой бумаги, собственными руками выделанной им на бумажной фабрике. Переимчивый мастер всех художеств и искусств являлся почти в то же самое время в университетах и академиях, где слушал лекции профессоров, на площадях и рынках, где покупал припасы для умеренного обеда своего, и, наконец, в маленькой кухне своей, где иногда сам приготавливал себе обед.

Несколько месяцев прожил Пётр в Голландии. Объездив все главные города её, осмотрев в них всё любопытное, он отправился в январе 1698 года в страну, ещё более примечательную своим просвещением, – в Англию. Здесь – тот же образ жизни, то же удивление народа царём отдалённой России, которую образованные европейцы привыкли считать страной полудикой. В Англии это удивление было ещё заметнее: англичане, начиная с короля их Вильгельма III до последнего работника в адмиралтействе, помогавшего плотнику Петру носить брёвна и строгать корабельные доски, – все наперебой показывали знаменитому гостю своё уважение. Купцы, художники, офицеры английского флота хотели быть чем-нибудь ему полезными, и многие из них охотно следовали примеру голландцев и соглашались поступить на службу к тому, кого считали непостижимым гением своего века... Пётр, со своей стороны, точно так же восхищался англичанами и всем, что видел в Англии. Как часто, проводя целые дни в лондонском адмиралтействе, он говаривал новым друзьям своим: "Без Англии я был бы плохой мастер!" А когда английские адмиралы вздумали однажды показать ему морские манёвры, Пётр был так восхищён совершенством английского флота, что от души вскричал: "Если бы я не был царём в России, то желал бы быть адмиралом в Англии!"

Зная, как много влияния на людей необразованных имеет наружность, он прежде всего обратил своё внимание на неё. Предки наши в привычках, обыкновениях и даже в одежде имели много сходства с азиатами: золотые кафтаны, дорогие шубы, меховые шапки и длинные бороды делали их очень похожими на турок и татар, разделяли их резкой чертой с европейцами. От уничтожения этой черты зависело очень много: в одежде человека образованного, казалось, легче было приступить к образованию.

Трудно было для русских расстаться с обычаями старины: они привыкли к ним с детства, но, глядя на царя, который показывал пример ко всякой перемене такого рода, можно ли было жаловаться на трудности? Этот пример был той волшебной силой, посредством которой Пётр делал чудеса свои...

1700

Предки наши праздновали начало года не 1-ого января, как делают все христиане, а 1-ого сентября. Разумеется, что эти четыре месяца разницы причиняли часто большие беспорядки в сношениях русских с европейцами, и вот Пётр 19 декабря 1699 года объявил народу, что 1-ого января 1700 года начнётся новый год.

1703

Пётр принимается за исполнение великого плана. Собственными руками его сделан чертёж новой крепости. 16-ого мая она начата и названа (по заложенной там церкви апостолов Петра и Павла) Петропавловской. Это было первое строение новой столицы. Крепость Петропавловская не могла, однако, защитить столицу от нападений с моря, а гавань Васильевского острова по причине мелководья не может принять ни больших кораблей военных, ни тяжело гружённых судов купеческих. Пётр знал это прежде, чем положил основание нового города. В 25 верстах от Петербурга, посреди волн Финского залива лежал довольно большой, но необитаемый остров, который финны называли Ретусари, а русские – Котлин. Этот остров отделялся узким, но глубоким пространством воды, как будто узким проливом, от довольно значительной песчаной мели. Увидев это в первый раз и измерив глубокое место пролива, Пётр с благодарностью поднял взоры свои к небу. Казалось, что сам Бог позаботился о защите новой столицы русских: пролив был единственным местом, где могли проходить корабли всякой величины и тяжести, все же другие места Финского залива от Котлина до Петербурга были мелки и проходимы только для маленьких судов. И вот на песчаной мели против Котлина появляется через несколько месяцев крепость и две гавани – военная и купеческая, а подле них и город Кронштадт, до которого мы так скоро доезжаем летом на пароходе, а зимой на лошадях – по гладкому льду Финского залива.

Книга А. И. Ишимовой в очень раннем возрасте пробудила у меня интерес к Петру Великому и к его эпохе... Очень полезной для общего развития была найденная мною в училищной библиотеке "Детская энциклопедия, или Сокращение всех наук" (1835). Из художественной литературы я читал басни И. А. Крылова, И. И. Хемницера, перечитывал стихи и сказки А. С. Пушкина. Из иностранных авторов мне запомнилась книга Бенджамина Франклина "Трудолюбие, умеренность и промышленность : нравоучения для детей" и, конечно же, "Приключения Робинзона Крузо" Даниэля Дефо – эту книгу я читал раз десять в детстве и многократно перечитывал в течение всей жизни.

Жил я в Тарусе в доме моей строгой бабушки по отцу – Евдокии. Женское имя Евдокия произошло от греческого слова "эудокия", что значит "добрая слава", но русские люди переименовали его, придумав, по сути, новое имя – Авдотья, так её все и называли. По

гороскопу, "характер Евдокии отличается искренней добротой, которая, однако, часто бывает скрыта за самостоятельностью и независимостью этой женщины. В молодости они могут страстно влюбиться, но во взрослом возрасте женщинами с таким именем, как правило, движет не сердце, а разум. Для того чтобы избежать душевной боли, Евдокия прячется за маской сухости и неприступности. Она не любит принимать помощь даже от близких и считает, что каждый человек должен сам справляться со своими бедами". Именно такой женщиной и была моя бабка Авдотья. Ей было а то время уже за 60 лет, но она жила одна и до самой смерти самостоятельно справлялась с хозяйством, лишь изредка принимая мелкие подарки от своих детей, которые все разлетелись по белу свету... Она делала отличные овощные салаты со сметаной, обильно посыпая огурцы перцем (с тех пор я всю жизнь ем огуречные салаты – с перцем). Она жарила на сковороде свиное сало, и я, помню, любил макать хлеб в горячее растопленное сало и есть... Бабушка Авдотья мечтала перед смертью снова побывать или даже умереть в Крыму, но мечте этой не суждено было сбыться...

Иногда отец возил меня и моего приятеля, дворового мальчишку Стёпку, на ярмарку: посмотреть на клоунов, на зверинец и на товары. Мы с радостью окунались в сутолоку ярмарочной жизни. Однажды Стёпка захотел передо мною похвастаться и на весь имевшийся у него капитал в пять медных копеек решил кутнуть: великодушно угощал меня семечками и грушевым квасом, дал мне половину пряника и вообще – сорил деньгами...

Из других детских впечатлений расскажу о единственной своей поездке на охоту... Однажды я увидел, как господский кучер Серафим загружает в повозку провизию, охотничьи ружья и прочее снаряжение: гости собирались поохотиться на уток. Я попросил Серафима взять меня с собой. Это может показаться невероятным, но он согласился ("если тятка отпустит"). И уж совсем невероятно то, что отец отпустил меня, девятилетнего мальчишку, на охоту, с мужиками, которые пьют водку, ругаются нехорошими словами и стреляют из ружей. Чудеса случаются! Полчаса спустя, я уже сидел на сене в трясучей телеге и был совершенно счастлив... Я помогал охотникам искать в траве убитых и раненных птиц, а вечером мы сидели у костра и я с восторгом слушал охотничьи небылицы. Когда костёр прогорел, мужики сдвинули все угли в сторону, постелили на месте костра толстый войлок и улеглись спать прямо под открытым небом. Когда я утром

проснулся, земля под войлоком была всё ещё тёплая... Следующий день был, наверное, одним из самых счастливых дней моей жизни: я стрелял из настоящего ружья, рыбачил, учился управлять лошадью и разжигать костёр – о чём ещё может мечтать девятилетний мальчишка?.. Убитых птиц мне не было жалко. Но по дороге домой охотники подстрелили зайца и бросили его ко мне в телегу. Заяц был ещё тёплый, и такой пушистый, такой мягкий... Больше я на охоте не был. Никогда в жизни...

В 1839 году я с похвальным листом окончил училище. Этот похвальный лист был "дан в публичном собрании ученику третьего класса Тарусского уездного училища Николаю Лаптеву на основании § 75 устава учебных заведений, Высочайше утверждённого в 8 день Декабря 1828 года, в награду за благонравие, прилежание и отличные успехи в науках". Теперь я мог целый месяц наслаждаться свободой!

АНГЛИЯ : ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

(1839-1841)

В первый раз я оказался в Англии мальчишкой 9-11 лет, но впечатлений у меня было столько, что это время запомнилось мне на всю жизнь. Собственно, эта поездка во многом и определила всю мою дальнейшую жизнь...

1839

В начале лета я успешно окончил Тарусское уездное училище и собирался поступать в Калужскую гимназию, но неожиданно планы наши изменились. Барин наш, капитан Добронравов, по делам своего пенькового предприятия задумал съездить в Англию, а так как ему не хотелось расставаться со своим любимым поваром, то он пригласил моего отца поехать вместе с ним. К тому же, он, видимо, полагал, что его сыну Серёже, с которым мы были приятели, будет не так скучно в дороге, если я составлю ему компанию... Так за два года я узнал и увидел столько, сколько многим моим сверстникам (даже и из потомственных дворянских семей) не суждено было увидеть и узнать за целую жизнь...

В те времена переменить своё место жительства по своему произволу могли только дворяне (при предъявлении свидетельства на дворянское достоинство). Всем остальным для выезда за пределы 30 вёрст от места жительства необходимо было получить паспорт. Эти паспорта и "билеты" были самых разных видов. Действительные служащие (светские и духовные) получали свои билеты на право выезда из города от непосредственного начальника, а отставные – имели особый аттестат, годный для проживания во всех местах Империи. Купцы, записанные в гильдию, и другие торговцы получали паспорта в городской думе или в ратуше. Помещичьим крестьянам выдавал разрешение на поездку в город их помещик и т. д. Путешествовать без паспорта было небезопасно: можно было попасть в полицию за "бродяжничество", а за укрывательство беспаспортных путешественников штрафы доходили до 100 рублей! Однако даже с действительным паспортом в кармане свободно путешествовать было невозможно. Например, если вы путешествуете в почтовой карете, то, в дополнение к паспорту, нужно было иметь особое свидетельство из полиции о том, что у вас нет никаких препятствий к выезду. Казалось бы, паспорт и должен являться таким свидетельством (и без справки из полиции получить паспорт было невозможно). Зачем же тогда нужно ещё одно разрешение? Никто этого не знал, включая самих полицейских. Все действовали по старым инструкциям, которые давно потеряли всякий смысл (а возможно, что и не имели никогда никакого смысла...). Владельцы гостиниц должны были каждый день давать в полицию сведения обо всех приезжающих или отъезжающих постояльцах. А всякий домохозяин обязан был доложить обо всех своих гостях, которые остановились у него на срок больше трёх дней. При огромном передвижении народа (особенно, в столицах) проконтролировать всё это было физически невозможно, и часто такие сведения никому не подавали, а в случае недоразумений просто "договаривались" с полицией, то есть давали взятку (тем бо́льшую, чем значительнее было нарушение)...

Получение паспорта для мещан сопровождалось множеством бессмысленных формальностей. Для начала надо было дать две подписки: первую – о том, что ты православной веры и ни к каким вредным сектам (скопцов, духоборцев, молокан и др.) не принадлежишь. Проверить это в большинстве случаев было невозможно, но подписку такую надо было дать. Вторая подписка – о том, что у тебя на оставляемой территории нет недвижимой собственности. А если есть, то что? Не дадут паспорт? Дадут. Но подписку

всё равно надо дать. Зачем давать такую заведомо ложную подписку, никто не знал, но её надо было дать. Для нас с отцом это была не проблема, потому что никакой недвижимости у нас в ту пору, и вправду, не было. Но расстройства было много. И времени, и денег было потрачено впустую немало.

Для делового человека, у которого от быстроты дела часто зависит прибыль, все эти бумажные мучения были нестерпимы. Надо срочно куда-то ехать по делу, а паспорта нет, или он есть, но срок его близок, а поездка предстоит довольно долгая, или нужна справка из полиции, а её надо ждать три дня... Как же в таких случаях выходили из положения? Известно как...

При выезде за границу – забот, хлопот, формальностей и расходов было ещё больше. Начать с того, что в то время без Высочайшего дозволения русским подданным вообще нельзя было выезжать из России, так что надо было подавать соответствующее прошение, а к нему – прилагать кучу всяких справок, а потом долго ждать ответа из канцелярии, которая, вместо желанного разрешения, часто присылала в ответ дополнительные требования о представлении каких-то ещё документов и т. д.

Но наконец всё это бюрократическое "веселье" было позади и мы начали собираться в дорогу...

Иван III завёл в Московском государстве 1505 году почту и *ямы* – своего рода постоянные дворы, где путешественники могли переменить лошадей, закусить и напиться чаю. А в 1516 году в разрядных книгах упоминается уже Ямской приказ, который ведал делами почты и контролировал работу ямщиков (слово это того же корня). Когда мы сегодня слышим слово "почта", мы в первую очередь думаем о письмах, посылках и т. д. Но в старину главным назначением почты была перевозка людей, а не писем. Ямщики были свободны от службы в войске и от многих других повинностей, они бесплатно получали от государства значительные земельные наделы, но они не могли самовольно покинуть свои ямы и обязаны были за установленную умеренную плату перевозить курьеров и путешественников от одного яма до другого.

В России путешественники ездят на вольных (по договору с вольнонаёмными ямщиками) или на почтовых – в этом случае они должны перед отправлением в путь получить особый документ ("подорожную") и заранее уплатить пошлину (от 2 до 10 копеек на версту за каждую лошадь). Езда на "на долгих" (всю дорогу от места до места едут без перемены лошадей, проезжая не больше 50 вёрст в день) оправдывает своё название: расстояние, которое на почтовых проезжают в три дня, на долгих проезжают за 10 дней, однако такой способ в три раза дешевле, чем "прогоны", которые приходится платить за путешествие на почтовых лошадях. Ещё одно преимущество: можно ехать в телеге, а у неё нет ни пряжек, ни застёжек, ни винтов, ни рессор и пр., которые часто ломаются и отнимают у ямщиков время на ремонт повозки. Наконец, можно ехать и на своих лошадях со своими кучерами, но в этом случае – против всякой экономии – придётся гнать людей и лошадей в обратный путь порожняком.

Учреждение в 1820 году дилижансов, курсирующих между двумя столицами, не только обогатило акционеров, но и "доставило путешественникам спокойствие и приятное наслаждение в дороге", особенно – после постройки между Москвой и Санкт-Петербургом нового шоссейного пути.

От Тарусы до Москвы мы добирались "на долгих", то есть ехали медленно: по 40 вёрст в день. Часто останавливались, чтобы дать отдых лошадям, да и самим поразмяться немного после долгого лежания в трясушем тарантасе (рессор у тарантасов тогда ещё не было, они появились позднее). В то время постройка шоссе между Серпуховом и Москвой ещё не была закончена, и дорога от Тарусы до Москвы занимала три дня, а в плохую погоду – и все четыре.

Когда мы поднялись на первые возвышенности Воробьёвых гор, налево стали обрисовываться, на самом краю горизонта, отдалённые части города. Мы въехали по узкой дорожке в мелкий, но частый лес. Вот он стал редеть, дорога круто поворотила влево, мы выехали на открытое место – и третья часть Москвы, со всеми её колокольнями, церквями и каланчами, разостлалась, как нарисованная, под нашими ногами. Впереди – подымался Новодевичий монастырь со своими круглыми башнями и высокой

колокольной; посреди необозримых лугов тихо струилась в своих песчаных берегах капризная Москва-река: она то приближалась к подошве Воробьёвых гор, то отбегала прочь, то вдруг исчезала за деревьями, которые росли по скату холмов. Поминутно менялись декорации этой обширной сцены: при каждом повороте дороги, при каждом изгибе гор Москва принимала новый вид.

Доехали до Калужской заставы. "Вот и Москва", – прошептал я, когда опустил за нами шлагбаум. Но это было лишь одно из её предместий, в котором, не было ещё настоящих городских домов.

Первые впечатления были не очень радужные. Мы ехали от Калужской заставы к Пресненским прудам. Сначала – бесконечная Калужская улица, то есть длинное песчаное поле, по одной стороне которого высятся каменные здания, а по другой – тянется длинный ряд плохоньких деревянных домов; потом – неопрятный рынок с грязными лавками, а там – Крымский брод со своими огородами и безобразным деревянным мостом. Дальше – Зубовский бульвар с тощими липками. Кругом – какое-то странное смешение городской роскоши и сельской простоты; рядом с каменными палатами – покосившиеся деревянные домики. Везде сады, огороды, овраги...

Голицынская больница

А это что за дворец? Это не дворец. Это Голицынская больница! Московским больным, должно быть, хорошо живётся!

Через несколько минут мы выехали на Полянскую площадь потом повернули по Козьмодемьянской улице к Каменному мосту. Доехали до Каменного моста – и ахнули: перед нами была Москва-река в гранитных берегах, с широкой набережной, с красивыми чугунными решётками; за ней – с одной стороны громада каменных зданий и длинный ряд кремлёвских садов, с другой, как целый город, – колоссальный Воспитательный дом; за ним – уставленный каменными домами, красивый холм, а посреди него – священная колыбель всех царей православной России. Кремль.

Красная площадь

Наконец мы выехали на Красную площадь. Первое, что обращает на себя внимание, – Покровский собор (который часто называют собором Василия Блаженного). Мы остановились возле Лобного места, против самой Ильинки, которая была вся запружена экипажами и народом. Здесь – средоточие московской торговли. На площади стоит памятник, который изображает спасителей России в 1612 году – князя Пожарского и гражданина Минина. А каменное круглое возвышение – это Лобное место, на котором (по общему убеждению) в старину рубили головы (на самом деле, на этом Лобном месте никого не казнили; с него только объявляли царские указы и совершали молебствия).

Московский Кремль. Терема

Когда мы подъехали к Спасским воротам, мы сняли шапки. Почему – никто не знает. Такой обычай. Мы вошли в Кремль, обошли кругом соборы, поглядели на колокольню Ивана Великого, подивились Царь-колоколу, поглазели на огромную Царь-пушку (которая так и не сделала никогда ни одного выстрела). Когда мы пересмотрели всё: Арсенал, Сенат, терема, Николаевский дворец, Грановитую и Оружейную Палаты, то подошли к самой закраине кремлёвской горы. Оттуда открывался замечательный вид на Замоскворечье.

В 1328 году Москва была уже столицей всей России, потому что Иван Калита перенёс в неё из Владимира свой великокняжеский престол ... Сначала Кремль был обнесен дубовым тыном, а в 1367 году великий князь Даниил Иванович задумал, по словам летописца, "поставить город камен Москву", то есть обнести Кремль каменными стенами.

Мы отправились по Моховой к Охотному ряду. Задержались перед зданием Московского университета (кто знал тогда, что мне суждено будет там поучиться?!) и прошли дальше, к Большому театру. Погуляли по центральной части города. Вопреки первому впечатлению, оказалось, что в Москве гораздо больше роскошных домов, чем я думал, а в некоторых (весьма обширных) её частях нет, говорят, ни одного деревянного дома.

Богата Москва садами и бульварами. Если взобраться летом на колокольню Ивана Великого, то увидишь перед собой не город, а беспредельное зелёное море, усыпанное островками-домами. За исключением центра города, редко встретишь дом, при котором нет хотя бы маленького садика или, по крайней мере, нескольких кустов бузины и акации.

Весной и летом лучшее московское общество гуляет до обеда на Тверском бульваре, а купцы после обеда отдыхают в кремлёвских садах. Самые любимые места для гулянья простого народа – Ваганьково и Марьино роща; Ваганьково – кладбище за Пресненской заставой, Марьино роща – тоже старое кладбище в двух шагах от Сущевского кладбища; одним словом, это место самых буйных забав, пьянства и цыганских песен окружено со всех сторон кладбищами... (Позднее, в студенческие годы, я не раз приезжал в Марьину рощу послушать задушевное пение цыган). В Петровском парке – музыка (для желающих потанцевать), отличный хор цыган (для тех, кто любит цыганские песни), полковой духовой оркестр (для любителей вальсов и маршей) и фейерверк (для всех).

Осмотрев московские достопримечательности, мы отправились в одну из восьми контор, занимающихся перевозкой пассажиров, и записались на места в дилижансе (чтобы получить место и купить билет, требовалось заблаговременно записаться в конторе).

Дилижансы представляли собой большие, удобные многоместные кареты, запряжённые обычно четвёркой лошадей. Путешествие в прочных, основательных экипажах выгодно отличалось от езды в собственной коляске, которая была весьма тряской и беспрестанно ломалась. Дилижансы быстро завоевали популярность.

Билеты надо было приобретать заранее, при получении билета – предъявлять паспорт. Из Москвы в Петербург можно было доехать за двое-трое суток (с остановками для еды и перемены лошадей).

После 1834 года, когда было закончено длившееся семнадцать лет строительство шоссе между Петербургом и Москвой, рейсы дилижансов стали регулярными. Стоимость билетов на поездку в дилижансе зависела от расстояния, наличия багажа (5 коп. за фунт веса, но не более 20 фунтов) и местоположения: билеты на места внутри кареты были в полтора-два раза дороже, чем билеты на места снаружи. Цена билета на поездку от Москвы до Санкт-Петербурга внутри кареты составляла 70 рублей ассигнациями, снаружи – 50 рублей. Места снаружи – располагались на крыше или позади кареты.

Теперь мы ездим от Москвы до самого Петербурга по ровному шоссе. А в недалёком прошлом, как пишет Загоскин, дорога между Москвой и Петербургом была тяжким испытанием человеческого терпения для того, кто ехал в собственном экипаже, и решительно наказанием небесным для всякого, кто ехал на перекладных... Русь мелочей не любит, – продолжает он. – Ей надобно разгулье, простор; ей всё давай в колоссальных размерах, всё считай сотнями да тысячами! Наше первое шоссе раскинулось не на сто, а разом на семьсот вёрст, следовательно, могло бы опоясать Францию во всю ее ширину или протянуться от Дувра до Эдинбурга, то есть во всю длину Англии и южной Шотландии ...

20-ого июля 1816 года Александр I утвердил подготовленную особым Дорожным комитетом смету расходов на сооружение шоссе между Петербургом и Москвой. Строительство шоссе было возложено на Главное управление путей сообщения. Возглавил эти работы инженер, генерал-майор А. П. Вельяшев. В 1821 году на этом посту его сменил инженер Ф. П. Матушевич. Возведением всех искусственных сооружений (мостов, труб и т. д.) на Московском шоссе ведало специальное Управление, видную роль в работе которого сыграл подполковник

К. Я. Рейхель. Работы по сооружению Московского шоссе были завершены в 1834 году.

Вместе с Петербургским шоссе появились в России и первые почтовые кареты. Из Петербурга в Москву можно было доехать за семьдесят пять рублей ассигнациями. Учреждённые при Московском почтамте почтовые кареты и брики поспевали в Петербург за двое с половиной суток.....

Теперь в Москве восемь заведений, из которых одни отправляют дилижансы в Петербург каждый день, а другие – три раза в неделю. Путешествие по гладкому шоссе очень приятно: езда ровная и скорая: по 11 вёрст в час.

Ехать, в собственном смысле, скучно. Н. И. Греч говорил, что дни *езды* можно исключить из числа дней *жизни*. Но *путешествовать*, то есть видеть своими глазами то, о чём прежде только читал или знал понаслышке, – действительно приятно... Человек, путешествовавший два года, испытал и узнал больше, нежели другой, который прожил двадцать лет на одном месте... Впечатлений от поездки из Москвы в Петербург у меня было много, но, по малолетству, многое, конечно, забылось. И только позднее, читая книгу И. Дмитриева⁸, я оживил в памяти и дополнил свои полудетские воспоминания...

Растревоженные прощанием с родными краями, мы и не заметили, как проехали богатую и прекрасно обустроенную Тверскую-Ямскую улицу и остановились у новых Триумфальных ворот, воздвигнутых (в 1835 году) в память об освобождении Москвы от французов в 1812 году.

От Москвы до Чёрной грязи – около 27 вёрст. На 13-ой версте – подставная станция Химки.

По Высочайшему повелению, между станциями Московского шоссе, удалёнными друг от друга больше, чем на 26 вёрст, в 1837 году были устроены "подставные" ("новые") станции, предназначенные для почт и лиц, проезжающих на почтовых

⁸ "Путеводитель от Москвы до Санкт-Петербурга" (издание 1839 года)

лошадях. В 1839 году в связи с устройством таких станций был перемерен весь Московский тракт на всём своём протяжении (674 версты). Дилижансы на "подставных" станциях не останавливались, а меняли лошадей только на основных ("старых") станциях.

При выезде за Тверскую заставу, мы увидели опрятный бульвар, роскошные дачи и великолепный парк с широкими тенистыми аллеями, клумбами и кустарниками, с прудами, мостами, Театром и Воксалом, где можно было "найти отдохновение в прогулке и одушевиться беззаботным веселием", длящемся далеко за полночь, и всё это – почти на открытом воздухе. В Воксальном здании (примерно 72 м в длину и 10 м в ширину) сосредоточены все увеселения, без которых праздное время тянется медленно...

Архитектура Воксала изящна и очень удобна: огромная танцевальная зала и боковые колоннады в гармонической симметрии своей роскошны и богато украшены. Для полного освещения Воксала требуется 1600 свеч! В крытом здании для театра могут поместиться больше 1000 человек. Напротив Театра – воздушный цирк, или манеж для волтижёров и эквилибристов; далее – несколько квадратных площадок с разными увеселительными играми: всякого рода карусели и качели, летние горы, рестораны, кофейни и прочее, и прочее. Всё пространство, занимаемое Воксалом, обнесено лёгкой решёткой, простирающейся на полверсты. И это огромное прекрасное здание выросло менее, чем за год, и почти каждое воскресенье и в праздники принимает посетителей, ищущих удовольствия. Цыгане и тирольцы, фейерверки и иллюминации, игры, качели, карусели, журналы, газеты, книги, фортепьяны – каждому можно найти здесь занятие по вкусу...

Но вот мы проехали речку Пресню и роскошный парк со столетними липами и увидели великолепное здание готической архитектуры – Петровский дворец. В этом прекрасном дворце Наполеон (как говорит Н. И. Греч) "стал на верхнюю точку своего мнимого счастья и своей славы; отсюда покатился он в пучину и очутился на острове Святой Елены".

Перед Петровским дворцом налево – Ходынское поле, или луг, как его ещё называют. На Ходынском поле каждое лето в раскинутых в тени рощ лагерях стоят полевые полки, зимою находящиеся в Москве. Отсюда можно оглянуться на Москву – увидеть золотые маковки церквей, белокаменные стены монастырей, колокольню Ивана

Великого и Сухареву башню. Вдалеке синеют Воробьёвы горы. А здесь – окружённое зеленью Ваганьково: кладбище, возникшее на месте игрищ, куда в древности съезжалась в первые дни весны молодёжь.

Дальше – Фили, где в 1812 году на военном совете решена была участь Москвы, а ещё дальше – Тушино, где когда-то стоял табор Тушинского вора, заслужившего себе позорное бессмертие.

Село Всесвятское знаменито своими гуляниями и огромными хороводами. Отсюда в последний раз можно увидеть Москву, хотя виды и не такие живописные, какие открываются с Воробьёвых гор, если ехать по Калужской дороге.

При спуске с пригорка к мосту, на 13-ой версте проезжаем первую "подставную" (промежуточную) станцию при деревне Химки. А дальше, на 23-ей версте, видим Черкизово (имение С. С. Уварова) – с красивой каменной церковью и опрятными домиками. К селу принадлежат 600 душ крестьян, повсюду – картины порядка и довольства.

А вот и первая станция для перемены лошадей: Чёрная грязь. От Чёрной грязи до следующей станции (Подсолнечной горы) – около 30 вёрст. Пока меняют лошадей, мы пьём в местной ресторации "китайский напиток" (чай).

При выезде из Подсолнечногорского селения мы пересекаем канал, который соединяет верховья реки Москвы и Волги. В состав этого канала (начатого строительством в 1825 году) входят и судоходные (с 1835-ого года) реки Дубна и Сестра. Длина всей системы – 218 вёрст. Московский канал, который обошёлся казне почти в 5 с половиной миллионов рублей, должен был быть открыт ещё в 1837 году, но из-за дополнительных испытаний открытие задержалось.

От Подсолнечной горы до города Клина 20 вёрст. В Клину обращает на себя внимание роскошный каменный мост, построенный ещё тогда, когда в Москве для сообщения с Замоскворечьем строили каждый год деревянный мост. И это при том, что Клин – город небогатый (всей торговли – на 5-6 тысяч рублей в год) и по протяжённости своей не больше Тверской-Ямской улицы в Москве. Расположенный неправильной фигурой (отсюда и название), Клин разделён рекой Сестрой на две части: одна (наиболее застроенная) – находится на высоком, крутом берегу реки. В городе можно купить хорошего качества клинские лапти, которые плетут уездные крестьяне.

От Клина до Завидова – 23 версты. Из них 13 – через густой, дремучий лес, в котором воют волки и ухают совы... Перед въездом в Завидово – первая застава для сбора денег на покрытие издержек на шоссе. Дилижансы и купеческие обозы должны заплатить по 4 руб. 20 коп. за каждую лошадь и получить квитанцию, которую на следующих трёх заставах предъявляют для свободного пропуска.

На 15-ой версте по пути от Завидова до Городни стоит древнее село Единоново, принадлежащее барону Корфу. Тут рассказывают интересную легенду:

Был у тверского князя Ярослава (брата Александра Невского) любимый отрок (оруженосец) – молодой красавец Григорий. Многие отцы из самых знатных семей мечтали выдать какую-нибудь из своих дочерей за княжеского любимца, но ни одна из них не тронула его сердца. В 1260 году князь Ярослав подарил Григорию село Единоново. Григорий отправился посмотреть на свои новые владения и встретил там прекрасную поселянку Ксению. Молодые люди полюбили друг друга, и Ярослав дал своему отроку разрешение жениться. Сам князь поехал тем временем на соколиную охоту. И вдруг – его любимый сокол вырывается у него из рук, взвивается высоко в небо и увлекает своего хозяина и его свиту за собою, а потом садится на крест Единоновской церкви. И случилось это в самый день венчания Григория и Ксении. Ксения, приведённая в церковь седовласым отцом, уже держала в руках брачную свечу, готовясь дать клятву верности своему жениху, как вдруг неожиданно появился в церкви князь Ярослав – и сердце у Григория оборвалось от недоброго предчувствия. Сражённый красотой Ксении, Ярослав тут же предложил ей стать княгиней и занял место жениха под венцом. Можно только представить себе, что чувствовал в тот час Григорий, но перечить княжескому слову никто не посмел... На другой день Ярослав увёз молодую княгиню в Тверь, а через год она родила ему сына – будущего тверского князя Михаила, поднявшегося позднее на несчастную и трагическую борьбу за первенство с московским князем Юрием (Георгием) и погибшего в Орде. Этой борьбой началась история Московского государства... А что же Григорий? Сменив свой роскошный свадебный наряд на рубище нищего, он ушёл в лесную чащу. Занятый празднествами Ярослав на несколько недель позабыл о нём. А вспомнив – приказал

его разыскать. С большим трудом нашли его в лесу и привели к князю. Ярослав, чувствуя вину свою, предлагает Григорию и богатые дары, и поместья. От всего отказался Григорий. А попросил только построить ему маленькую хижину на берегу реки Тверцы да дать в товарищи монаха-черноризца. В этой хижине он вскоре и умер. А опечаленный смертью своего любимого отрока князь, в облегчение своей души, приказал построить над его прахом монастырь *Отрочь*, где нет никаких надписей, а только неустанно молятся монахи за упокой души несчастного Григория...

Трогательная история. Хотя и не совсем согласуется с историческими фактами. Ярослав, будучи вдовым, действительно женился в 1264-ом году на Ксении, но только на другой Ксении, и не в Едимонове, а в Новгороде. Но легенда всё равно красивая...

За несколько вёрст до Городни параллельно дороге течёт речка, которая и омывает эту станцию. Неужели это Волга?! Трудно поверить, но это и есть начало знаменитой великой реки...

Иван III сбросил цепи татарского рабства. Но приволжская Казань и Астрахань по-прежнему тревожили Русь, и только при Иване IV Волга стала русской рекой на всём её протяжении. Сокрушив Казань, русский царь все её богатства раздал своим воинам, а о себе сказал: "Моя корысть есть спокойствие и честь России на Волге"...

Ни в одном краю России, кроме немногих исключений, нет стольких богатых деревень, как на этой реке. Во многих сёлах – по несколько тысяч жителей, по несколько церквей и других каменных зданий.

Небольшой болотный ключ близ деревни Волгиной в Осташковском уезде Тверской губернии и есть начало величественной реки, которая, приняв в своём течении через восемь губерний около 200 значительных ручьёв, речек и рек (из которых Ока, Кама и Вятка сами могут быть причислены к большим рекам) величественно протекает по России, омывая Тверскую, Ярославскую, Костромскую, Нижегородскую, Казанскую, Симбирскую, Саратовскую и Астраханскую губернии. А через свои притоки и их ветви Волга соединяет между собой 24 губернии – почти половину России! 15 тысяч различных

судов и 360 плотов ежегодно проходят по Волге. На протяжении 3000 вёрст она не имеет порогов, кроме нескольких водоворотов, не опасных для больших судов. Торговый оборот Волжского судоходства составляет 220 миллионов рублей в год. А рыбные ловли, отданные государством на откуп, ежегодно доставляют казне 700 тысяч рублей.

Не доезжая пяти вёрст до Твери, можно полюбоваться построенным на трёх сводах прекрасным каменным мостом – и это в местности, удалённой от каменных приисков. И вот она, Тверь...

Больше двухсот лет боролась Тверь с Москвой за первенство. И вполне могло случиться, что Московское государство называлось бы Тверским... И только в 1486 году эта борьба окончательно прекратилась...

В Тверской губернии 13 городов и почти каждый десятый житель – купец. Ржев – богатейший город в губернии. Ржевский купец Немилов торгует на 3 миллиона рублей в год. Есть в губернии и другие "миллионщики". От Твери до Лондона – славятся ржевские купцы своею честностью.

В Твери всегда было много бесстрашных и предприимчивых людей. Тверянин Афанасий Никитин одним из первых русских купцов завязал торговые отношения с Персией и с Индией (в 1470 году). Несмотря на трудности дальнего путешествия, невзирая на то, что он был дважды ограблен в пути, он потом ещё три раза возил туда и привозил оттуда товары.

Главная улица в Твери, которая называется Миллионной, застроена красивыми каменными зданиями в одинаковую высоту. Улица эта начинается от Собора губернаторским домом, двухэтажным Гостиным двором и Торговой площадью, а продолжается бесконечными торговыми рядами. Губернаторский дом, здания магистрата, почты, гимназии, семинарии, воспитательного дома, а также нескольких богаделен и больниц отличаются не только красотой, но и удачным местоположением. Прекрасные виды открываются с Набережной. Прямые улицы и переулки почти все вымощены

булыжником. Тверь считается одним из самых красивых городов России. Своей красотой и правильной планировкой Тверь во многом обязана щедротам Екатерины Великой, возродившей город из обгоревших развалин после страшного пожара 1763 года.

Прогулки по рядам Гостиного двора вызваны не только необходимостью что-то купить. Как и на Кузнецком мосту в Москве или на Невском проспекте в Петербурге, – сюда приходят перенимать моды. Здесь можно поглазеть на наряды местных модниц и щёголей, а потом, приехав домой, женщины, до последних мелочей, до каждой булавки, обсуждают эти наряды, многие из которых сшиты не по рисункам из модных журналов, а по описаниям, которыми петербургские модницы делятся в письмах к своим тверским подругам (хотя и нет недостатка в вывесках многочисленных магазинов, предлагающих одежду и аксессуары "по последнему журналу").

Дилижансы в Твери останавливаются у гостиницы "Милан", принадлежащей наследникам итальянского предпринимателя Гальяни. Эта гостиница (в прошлом – шикарная) ныне обветшала, а её тёплое гостеприимство известно теперь только по рассказам стариков...

От города Твери до Медного – 27 вёрст. Медное – большое (1000 душ) село, напоминающее нам о временах Ивана Грозного и о его войне с Литвой. Близ этого селения есть место, в котором посреди июльской жары крестьяне добывают лёд: осенью вода вспучивает дёрн и потом замерзает под ним. Если снять слой дёрна, то под ним можно обнаружить толстый (около 70 см) слой льда, который под дёрном совсем почти не тает до середины лета.

От села Медного до города Торжка – около 32 вёрст. Торжок – это примерно треть нашего пути (от Москвы – 211 вёрст, до Петербурга – 462 версты). На станции – две гостиницы: купца Вараксина и купца Пожарского. Последняя славится своей кухней. В особенности хороши котлеты, которые готовит дочь хозяина (научившаяся, говорят, поварскому искусству у личного повара императора Александра I). А в гостинице Вараксина можно купить многие товары, которыми знаменит Торжок: кисеты, разного рода мешочки, шапочки-ермолки, мужские сапоги, женские башмачки и ридикюли.

В старину Торжок (Торжец) принадлежал к Новгородской области, имел своё вече и чеканил свои деньги. Много бед выпало на долю этого города. В 1237 году город был разорён Батыем, а в 1372 году – тверским князем Михаилом (в борьбе за первенство с

московским князем Дмитрием Донским); в 1478 году Иван III подчинил Новгород и покорил Торжок; в 1570 году горожанам досталось от Ивана Грозного; в 1606 – город разорили поляки, а в 1767 году он был уничтожен пожаром... Но каждый раз город восставал из пепла, и новые поколения горожан начинали торговать у стен Борисоглебского монастыря и строить свои дома вокруг этих стен... Для употребления жителями воды из родника Здоровец на центральной площади был построен каменный фонтан, соединённый с родником подземными трубами.

Торжок знаменит своими изделиями из козлиной кожи: чемоданы, портфели, бумажники, обувь и пр. Через Торжок проходит из низовых городов множество судов (до 4000 барок в год) и обозов со съестными припасами и прочими товарами на 10 миллионов рублей в год! Народ здесь деловой, малопьющий. На 11 тысяч жителей – всего 8 трактиров (в Клину, например, на 2500 жителей – 11 трактиров).

От Торжка до Выдропуска – 35 вёрст. Вдоль всего пути – огромным трудом осушаемые болота. Болотные ручьи стягиваются в общие водопроводы.

От Выдропуска до Вышнего Волочка – 30 вёрст. Вышний Волочок – город купеческий (совокупный капитал местных купцов – больше миллиона рублей). А ещё город знаменит своими тонкими льняными холстами. И песнями. Поют здесь все – и мужчины, и женщины, и дети... Местные купцы торгуют салом, пенькой, кожами, а главное – хлебом: осенью и зимою его грузят на барки, а весной, при первом вскрытии реки, сплавляют к Санкт-Петербургу по системе каналов, построенных по приказу Пётра Великого, которому пришла в голову мысль соединить между собою озеро Ильмень и Волжский бассейн, перерезав Волоцкий перешеек судоходным каналом. Вышневолоцкая система длиной 1300 вёрст (от Рыбинска до Санкт-Петербурга) простирается по территории четырёх губерний (Ярославская, Тверская, Новгородская, Санкт-Петербургская) и имеет 25 пристаней. Через эту систему ежегодно проходят 8-9 тысяч судов, которые перевозят товары на сумму в 80-100 миллионов рублей. Вышневолоцкая система в сочетании с другими каналами обеспечивает непрерывный водный путь от Балтийского до Каспийского моря длиной в три с половиной тысяч вёрст.

В 25 верстах от Вышнего Волочка лежит граница между Тверской и Новгородской губерниями. К тому времени мы уже проехали расстояние в 300 вёрст – почти половину пути. Отсюда до границы Санкт-Петербургской губернии – 320 вёрст.

Далее наш путь следует по Валдайским горам: "с горки на горку – барин даст на водку". Да и как не дать – особенно после крутого спуска, на котором без "тормозенья" никак не обойтись... Лесами Валдайские холмы и горы не богаты, зато здесь много угля, который, хоть и не высшего качества, вполне годится для отопления жилищ. По берегам Валдайского озера растут в изобилии ландыши и прекрасные дикие розы. В озере много рыбы; большая часть рыбных промыслов принадлежит здесь известному Иверскому монастырю, который обычно отдаёт их на откуп местным рыболовам за 1000 рублей в год. В Петров день (29 июня), по случаю праздника, озеро покрывается множеством небольших лодок, на которых катаются в своих лучших нарядах местные жители, развлекаясь музыкой, песнями и стрельбой из ружей.

Следующая значительная остановка – город Валдай. Здесь вас тут же обступают женщины со связками сушек, баранок и бубликов в руках. И уж, поверьте, они от вас не отстанут, пока вы не купите у них хотя бы одну связку. Говорят, что в прошлом валдайскими кренделями торговали только отборные молодые красавицы и щедрому покупателю доставался не только товар, но и жаркий поцелуй. А красавиц там много – наверное, потому, что эти земли в своё время заселялись переселенцами из Польши, а полячки всегда славилась своей красотой. Мужчины (если не все, то многие) занимаются здесь изготовлением телег и колёс. Валдай также знаменит изготовлением всевозможных колоколов и колокольчиков. Как там в песне поётся: "и колокольчик – дар Валдая – звенит уныло под дугой"...

Небольшая станция Ижица знаменита тем, что в местной необычайной чистоты речке Гремяча в изобилии вылавливают форель, а в окрестных ручьях добывают раковины с мелким жемчугом.

За полверсты до Бронниц все выходят из экипажа и поднимаются в гору пешком (чтобы не переутомлять лошадей). А с вершины этой горы открывается вид на озеро Ильмень. И сразу вспоминается древняя история, и сразу возникает вопрос: "Что за люди были *варяги*?" Известно, что не сиделось им дома, и нанимались они в военную службу к соседям (в том числе – и к славянам), и служили честно (слуге-иноземцу всегда было в славянских землях больше чести и платы)... Не поленитесь, взойдите на Бронницкую гору – так высоко, как сможете, – и вы, возможно, увидите в далёкой дымке Новгород (от Бронниц до Новгорода – 25 вёрст)... Бронницкая гора – гора натуральная, но древняя

легенда утверждает, что это на самом деле огромный курган, насыпанный на могиле некоего прорицателя, к которому многие северные короли приезжали для вопрошания. Говорят, что обращался к этому оракулу и полулегендарный новгородский князь Гостомысл с вопросом о своих будущих наследниках, однако не поверил он ответу прорицателя и отправил своих людей в далёкие земли к иноземным прорицателям, но и те сказали ему то же самое...

Прямая линия предполагаемой железной дороги из Санкт-Петербурга в Москву включает в себе 600 вёрст и минует Новгород, который остаётся в стороне... От Бронниц до Подберезья есть прямая дорога через деревню Перевоз (минуя Новгород), которая на 12 вёрст короче соответствующего участка почтовой дороги. Но многие путешественники предпочитают всё же заехать в древний Новгород – поклониться прадедушке русских городов... Здравствуй, *господин великий Новгород*...

История всех древнейших городов мира проникнута поэзией, вымыслом. И Новгород не исключение, хотя его подробная история ещё не написана. По мнению О. И. Сенковского, Новгород существовал уже во времена Геродота, жившего почти за 500 лет до Рождества Христова. Так это или нет, убедительно доказать пока что невозможно. Но, согласно летописям, именно новгородцы в 862 году призвали в славянские земли варягов и Рюрика – прародителя всех русских князей: "Земля наша обильна есть, да наряду в ней нет. Да пойдете в ней княжити и володети" (то есть "Страна наша богата, но порядку в ней нет. Придите и правьте")... В 882 году Рюрик перенёс свою столицу в Киев, и с тех пор, согласно официальной точке зрения, новгородцы проводили свою жизнь в междуусобиях, непостоянстве, вероломстве, удалстве, буйстве, грабежах, своеволии и легкомыслии...

Надо же было как-то оправдать "подвиги" Ивана Грозного, запрудившего Волхов телами 60 тысяч истерзанных людей и превратившего цветущий торговый город в руины, а его свободолюбивых жителей – в рабов...

О достопримечательностях новгородских можно написать целую книгу, а нам пора двигаться дальше – в сторону нашей северной столицы. Проложенная веками дорога в Новгороде кончается и начинается новая – построенная по приказу Петра Великого. Дорога эта проходит через военные поселения и многочисленные ничем не

примечательные деревеньки. К этому времени все пассажиры уже порядком устали и хотят только одного: поскорее добраться до места назначения...

Чем ближе к Петербургу, тем гуще становятся туманы, тем чаще веет прохладой. Да и дорога становится скучной: болота, чахлые деревеньки на месте прежних ямов... Хотя есть и исключения. Чудово – зажиточное село, в котором есть каменная церковь и два каменных дома. Проезжая через Чудово, нельзя не обратить внимание на большой двухэтажный каменный дом с балконом и с колоннами на фасаде. Что это? Гостиница? Или дом богатого помещика? Нет. Это дом ямщика Ларионова. Как видим, не все ямщики в России были пьяницы и разгильдяи. При трезвости и трудолюбии, многие могли бы жить неплохо... Летом Чудово наполняется рабочим народом, который гоняет барки от Новгорода до Ладожского канала...

Неподалёку от Чудова – село Грузино, принадлежавшее графу А. А. Аракчееву. В 1796 году Павел I наградил его баронским титулом и двумя тысячами душ крепостных с правом выбрать место в любой губернии. Из всех мест Аракчеев выбрал это затерянное среди лесов и болот село, где он провёл последние годы своей жизни. В тех же местах какое-то время жили и великий полководец А. В. Суворов, и выдающийся поэт и государственный деятель Г. Р. Державин.

В селе Померанье г-жа Гендрихсен, всем в округе известная как Лизавета Ивановна, содержит опрятную гостиницу в немецком стиле – с хорошей кухней (знаменитой своими вафлями) и чистыми комнатами; при гостинице есть ухоженный садик – с аккуратными заборчиками, мосточками, беседочками, прудочками. Вся эта чистота и аккуратность будто бы подготавливает нас к встрече с *иностранным* городом Петербургом...

От Померанья до Тосны 32 версты. Вдоль дороги разбросаны природою огромные дикие камни – и посреди кустов, и в рощицах, и посреди пашни. От этих камней каждый год откалывают куски, употребляемые для ремонта и строительства дорог. На 27-ой версте – граница между двумя губерниями: древней Новгородской и новой Санкт-Петербургской. Тосна стояла в древности на границе между Новгородской и Шведской землёй. А жили там финны... Местная каменная церковь строилась на средства ямщика Панова и закончена была (после его смерти) дочерями его. На заднем дворе тоснинского постоялого двора – груды пустых бутылок. Местное пиво слабенькое, чуть крепче кваса,

но пьют его много... Есть в Тосне Учебное лесничество и Егерское училище, в которых учат способных молодых людей составлению карт и планов, содержанию в порядке лесных дач, а также пчеловодству. Река Тосна (по которой гоняют лес на дрова) впадает в Неву... Господин Рикард, отыскивая нужные для постройки Исакиевского собора камни, обнаружил в окрестностях Тосны прекрасный камень для процеживания воды (такой камень прежде за дорогую цену выписывали из Парижа). Процеживая мутную и вонючую болотную воду через этот камень, получают воду чистую, прозрачную и без запаха.

Далее дорога идёт по бесконечной, кажется, просеке, прорубленной в лесу, который с полным правом можно назвать дремучим: ни солнечный свет, ни ветер не пробиваются через огромные завалы из упавших гнилых деревьев, да и те, что пока ещё стоят, внутри, говорят, гнилы...

На 21-ой версте, от каменного столба при спуске с горы открывается роскошная панорама окрестностей Петербурга, но ближе к столице вы таких видов уже не встретите. Петербург, богатый творениями рук человеческих, беден ландшафтами, это не Москва белокаменная с её золотыми куполами на окрестных зелёных холмах...

Первый признак Петербурга (вёрст за двадцать) – Александро-Невский монастырь. А шпили Адмиралтейства и Петропавловской крепости всё ещё скрываются в ложине за густым лесом... На 15-ой версте от города – переезжаем железную дорогу, построенную между Петербургом и Царским Селом. Дальше – картофельные поля. В 1818 году началась в окрестностях Петербурга большая работа по осушению болот. Постепенно уходят в прошлое густые утренние и вечерние туманы, а на месте болот появляются поля, на которых особенно хорошо родится картофель.

Вот и последняя станция. Позади остались 674 версты, и наше путешествие подходит к концу. Остаётся только возблагодарить императора Александра I, по инициативе которого началось строительство этого замечательного шоссе между двумя столицами. Чтобы вымостить эту дорогу (по примеру дорог прежнего времени) распиленными повдоль брёвнами, потребовалось бы 10 миллионов деревьев!

Увидеть Петербург и поклониться памяти его великого основателя для русского человека столь же необходимо, как для мусульманина – побывать в Мекке.

До начала XVIII столетия путешественники эти мрачные болотистые и заросшие гнилым лесом места обходили стороной. Но именно здесь 16-ого мая 1703 года Пётр Великий заложил фундамент Петропавловской крепости. В помощь пленным шведам, из внутренних губерний присылали тысячи работников: 148 тысяч человек было прислано в последующие четыре года, многие из них здесь и погибли, а оставшиеся в живых стали первыми жителями нового города. Пятнадцать лет спустя, в 1718 году начали переселяться в новую столицу купцы и дворяне. Начиная с этого года, все новые постройки осуществлялись уже не ссылкой, а вольнонаёмными рабочими. В том же году пришёл в Петербург первый иностранный корабль. На радостях, Пётр I дал капитану этого корабля 500 рублей золотом, а команде – по 300 ефимков (серебряных монет) на брата.

Сегодня (1839) Санкт-Петербург – это город с населением в 470 тысяч человек. По дороге между Москвою и Петербургом ежегодно проезжают 10-12 тысяч рессорных экипажей, перевозящих 40-50 тысяч человек. А пешком приходят из соседних губерний до 35 тысяч мастеровых людей в год...

Интересное наблюдение сделал я по пути из Москвы в Петербург: чем ближе к Петербургу – тем ниже шапки у тамошних мужиков. Московские крестьяне и ямщики носят высокие шапки, а северные жители – низкие.

На протяжении всей дороги нигде нам не встречалось такого количества кочующих цыган, как под Петербургом. Ямщики кнутом отгоняют от повозок плачущих голодных и оборванных цыганских детей-попрошак. Совсем недавно, в мае 1839 года, положены были начала к прекращению бродяжничества цыган и приучению их к оседлой жизни.

Описывать достопримечательности Петербурга нет нужды: об этом городе написаны десятки (а возможно, что и сотни) книг. Скажу только, что несмотря на обилие прекрасных мостов и зданий, город мне не понравился: холодный, сырой каменный мешок с серой Невой и серым небом... Чужой город... Понравились мне только мостовые

из плотно пригнанных друг к другу еловых шестиугольников. Сколько стоит этот "паркет" на улице – можно себе только представить!

В Петербурге мы долго задерживаться не стали. Отдохнули в гостинице, а на другой день отправились на Английскую набережную и купили билеты на пароход, идущий в Кронштадт.

Санкт-Петербург. Английская набережная

Начиная с 1820-ых годов пироскафы (так тогда называли пароходы) регулярно ходили в Кронштадт два раза в сутки: в девять часов утра и в пять часов дня. Жители столицы, желающие совершить далёкое морское путешествие, плыли на "Бердовой машине" в Кронштадт, а там пересаживались на корабли, идущие в европейские порты.

В 1830 году составилось Акционерное общество для учреждения постоянного сообщения между Петербургом и Любеком "посредством пароходов". Контора Общества помещалась на Английской набережной в доме Коммерческого клуба. "Общество акционеров для заведения между Петербургом и Любеком пароходов" заказало в Англии два деревянных судна водоизмещением 750 т каждое, причём, одно из них было заказано на средства русских акционеров, а другое – на средства акционеров Любека. Интересно, что в уставе было записано условие: цены на провоз не должны превышать ставки фрахта на английском

пароходе "Георг IV", и оно (то есть Акционерное Общество) "должно стараться, если возможно, поставить цены ещё дешевле". Постройка первых двух пароходов обошлась в 1 миллион рублей. Первым из этих двух обшитых медным листом пароходов был "Николай I". Вторым – стал пароход "Александра". Весной 1831 года пароход "Николай I" начал совершать регулярные рейсы в Любек. Каждую весну газеты публиковали расписание с указанием дат в двух стилях: для Европы и для России.

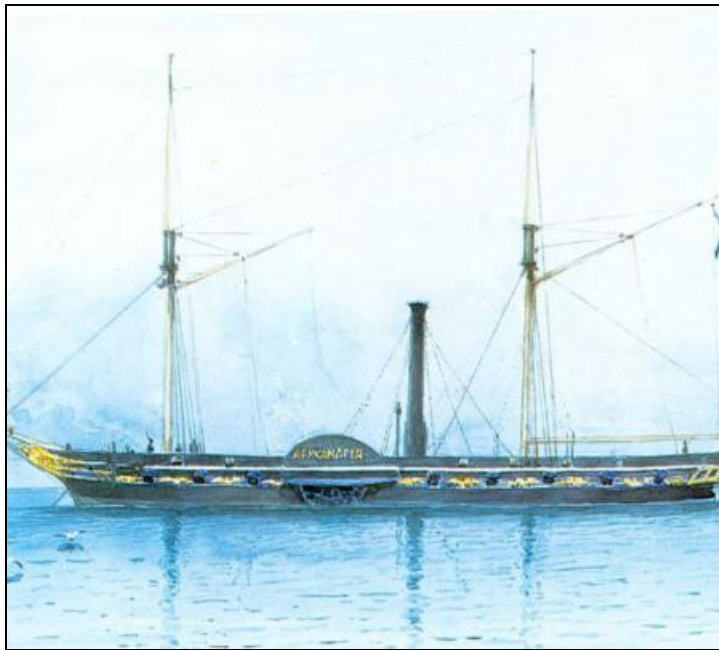
Уже в начале 1835 года, видя рост доходов и эффективную работу руководства фирмы, акционеры на своём чрезвычайном общем собрании решили построить третий пароход: "Наследник", который быстро стал самым популярным среди путешественников пароходом на этом направлении (он проделывал этот путь за 80 часов, тогда как большегрузной "Александре" требовалось для этого 90-100 часов) . Император Николай I утвердил это решение и одобрил дополнительную эмиссию акций.

До 1840-ых годов российского морского пассажирского флота как такового не было. Пассажиров перевозили торговые и военные суда. На линии Петербург - Любек пароходы перевозили почту, золото и серебро (в слитках и в монете), а также дорогой импорт: духи, ткани, пряности, драгоценности, географические карты, книги, сигары, кружева, шёлк. Российский экспорт был большей частью навалочный, объёмный, грязный и пыльный – его не брали. В первую навигацию при хорошей погоде рейс мог длиться 82 часа, но бывало и 91, 96, 104, 120 и даже 180 часов – опоздание обуславливалось сильным ветром или штормовой погодой (пароходы были колёсные, машины маломощные – 140 л. с.) В навигацию каждый пароход мог сделать в среднем по 20 рейсов туда и обратно; начинали с апреля и кончали октябрём... Билет от Санкт-Петербурга до Любека (порт – в Травемюнде) стоил 11 фунтов стерлингов (250 руб. ассигнациями). В 1839 году цена на билеты была снижена до 200 руб., но английские акционеры всё равно жаловались, что, при должной конкуренции, и эту цену можно было бы снизить вдвое. Пассажирам надо было платить за еду (40 марок, то есть 50 руб.) – даже если не будешь есть, потому что пароходная компания была обязана кормить своих пассажиров.

От Английской набережной пароход "Ольга" отвёз нас на кронштадтский рейд. Через два часа мы были уже на месте. В Кронштадте мы заночевали в пансионе всем известной трактирщицы – жизнерадостной толстухи M-me Stuart, но от волнения и радости спать мы совершенно не могли.

Ранним утром мы с отцом пошли посмотреть на корабли. Пройдя в сторону Военной гавани ("язык до Киева доведёт"), мы увидели императорскую яхту – красавицу "Александрию"...

Двухмачтовая шестипушечная "Александрия" имела длину 35 м, ширину – 6 м и паровую машину мощностью 90 л. с. Строитель парохода предусмотрел на нём несколько особых комфортабельных помещений для членов императорской фамилии и большое внимание уделил наружному декору судна, поместив по каждому борту между десятью круглыми окнами с ажурными рамами восемь резных позолоченных двуглавых орлов.

Яхта "Александрия"

Носовым украшением парохода служила композиция, в которую входил герб Александрии. Герб представлял собой геральдический овальный щит, окружённый

каймой из листьев фантастических растений, в центре которого помещался меч с золотой рукояткой и венком из роз, надетым на его клинок. Этот романтический герб придумал поэт В. А. Жуковский, бывший воспитателем цесаревича Александра Николаевича.

Чистенький и аккуратный, раззолоченный, как храм, пароход этот скромно любовался своим отражением в светлом зеркале воды...

Подивившись на эту игрушку, мы отправились в купеческую гавань, встречая по дороге множество людей в самых разных костюмах. В Кронштадте на каждом пятом шагу непременно встретишь три разных костюма, а иностранная речь звучит там едва ли не чаще, чем русская. Я также заметил, что на улице попадались нам одни мужчины, будто, кроме M-me Stuart, и не было там никаких женщин. Много попадалось нам навстречу колоритных обветренных и просоленных "морских волков" – моряков со всех концов света.

Если посмотреть от Синего моста в сторону залива, то увидишь Итальянский пруд, который находится напротив Итальянского дворца (бывшего дворца А. Д. Меншикова) и имеет строгую прямоугольную форму. Итальянский пруд был устроен как часть Купеческой гавани. Суда заходили в этот пруд из Купеческой гавани по каналу и вставали под разгрузку. В Купеческой гавани корабли были поскромнее и не такие чистые, даже "Тенерифе", пришедший с далёких и загадочных Канарских островов, на меня большого впечатления не произвёл.

Потом мы вернулись в трактир. Обедали постояльцы (человек 15) все вместе за большим столом; я оказался рядом с двумя офицерами с какого-то английского судна – так я впервые увидел настоящих англичан. "Гуд" (good) – было всё, что я понял из их разговора. Но это было началом моей долгой любви к Англии...

На другой день в 11 часов наш пароход "Александра" уже шумел колёсами. Мы отправились в направлении Травемюнде. Когда мы вышли за кронштадтский рейд, семь выстрелов раздались с парохода, а потом из крепости прогремел ответный салют. Сердце моё встрепенулось, целая буря чувств бушевала в моей детской душе. Подумав, что только полоска дерева, скреплённого железом, отделяет меня от всепоглощающей бездны,

что стоит только морю разыгаться – и никакие силы в мире не спасут меня от гибели, я в первый раз почувствовал своё ничтожество перед лицом Стихии, уповая лишь на милость Божию и благодать Провидения... Плеск волну, однообразный шум колёс и лёгкое дрожание парохода имели какое-то таинственное влияние на мою детскую душу. Я прислушивался к голосу моря. Мне казалось, что оттуда, из глубины, кто-то разговаривал со мною...

Увижу ль вас, приду ли к вам
По этим сумрачным волнам,
Края мои родные?
Покинув вас впервые,
Ужели я в последний раз
Смотрю, любуюся на вас?

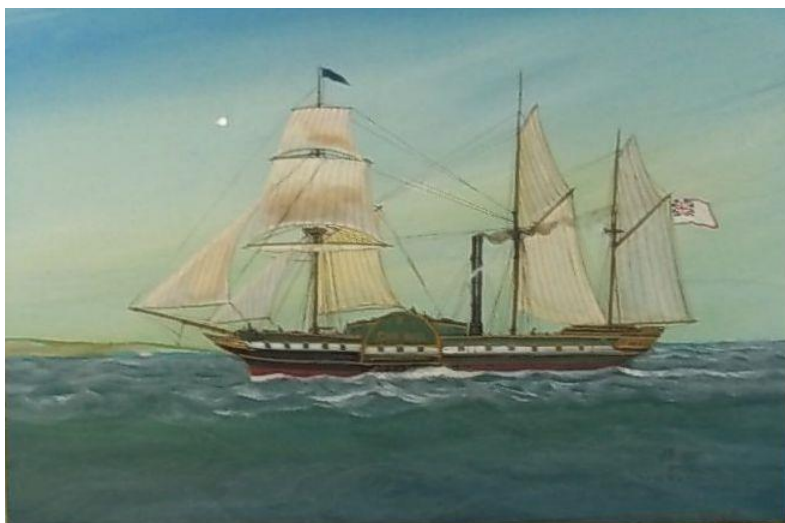
Плыли мы довольно скоро – 7 с половиной узлов (12 км/час). Многие пассажиры страдали от морской болезни, но, к счастью, – недолго. В первый день мы прошли весь Финский залив. Берега и острова Финляндии произвели на меня мрачное впечатление. Видя там редкие избышки, я никак не мог понять, что заставляет людей жить на этих голых утёсах, на берегу холодного моря вдали от лесов и полей... В Гельсингфорсе (Хельсинки) мы задерживаться не стали, хотя наиболее любопытные пассажиры успели всё же осмотреть основные достопримечательности города. Нам тем временем подали холодную закуску и знаменитую финскую простоквашу "фильбунка", а взрослым – ещё и водку. На ночь выдали чистое постельное бельё, а утром пригласили нас к завтраку: кофе и хлеб с маслом. И всё это за 30 коп. с человека!

А ещё через три дня мы уже высадились в Травемюнде, пройдя за четверо суток больше 1200 вёрст. Городок этот стоит в земле Шлезвиг-Гольштейн, которую иначе называют Гольштейнской Швейцарией. Это один из самых живописных уголков Германии. Зелёные луга, прозрачные озёра, где водится много рыбы, невысокие холмы, песчаные дюны, Балтийское море...

Травемюнде был основан в 1187 году и поначалу представлял собой крепость. Лишь 600 лет спустя, он стал считаться портовым городом, а позднее – и одним из самых красивых балтийских курортов. Местность вокруг Церкви Св. Лоренца и набережной сохранила шарм прежней старинной рыбацкой деревни... На узких

тенистых улицах стоят симпатичные домики с разноцветными крышами, эркерами и резными балкончиками. В Травемюнде находится самый большой маяк Европы (Leuchtturm, или Leuchtfeuer). Его высота составляет 115 м. Он был построен в 1226 году как ориентир для мореходов.

Оттуда мы на лошадях добрались до Гамбурга (15 вёрст от Травемюнде до Любека, а потом 65 вёрст от Любека до Гамбурга, итого 80 вёрст; по хорошей дороге – полтора дня пути). Дороги в Германии ровные, поля ухоженные, постоянные дворы чистые. В трактирах молодые парни чинно танцуют с молодыми девушками – ничего похожего на дикие пляски пьяных русских мужиков... Скоро мы уже были в Гамбурге, но времени у нас было мало, поэтому мы сразу отправились в порт и города практически не видели. В ту же ночь мы погрузились на английский пароход "Джон Буль" (*John Bull*) и в 5 часов утра отправились в Англию.

английский пароход "Джон Буль" (*John Bull*)

До выхода в море мы плыли по реке Эльбе. Берега Эльбы невысокие и очень живописные: посреди ухоженных полей стоят чистенькие домики и украшенные старинными резными башенками церкви – прямо как на картинке в книжке детских сказок...

ЛОНДОН

При входе в Темзу, все наши чемоданы, ящики и мешки спустили в трюм и заперли. В Гринвиче, в 14 километрах от порта, – небольшая остановка (чтобы дожидаться прилива) – и вот он, Лондон! Огромный, необъятный город!⁹⁹

В порту (Port of London) нам выдали свидетельства о прибытии (Certificate of Arrival), и мы отправились в Лондонскую таможню, чтобы получить там наши вещи.

Величественное здание Лондонской таможни было построено в 1817 году. Главный фасад этого здания украшен колоннами и скульптурами, которые изображают Коммерцию и Промышленность в окружении фигур главных народов, с которыми Англия поддерживает торговые отношения, в их национальных костюмах.

Здание Лондонской таможни

Но внутри этого здания нет почти никаких украшений. Самая примечательная комната там – это 58-метровая "длинная зала" (long room) с высокими (16 м) потолками и огромными окнами. В этой зале оформляются торговые документы, а для производства таможенных дел в здании есть ещё больше ста комнат.

⁹⁹ За сорок лет (1800-1840) население Лондона удвоилось и составило почти 2 с половиной миллиона человек (в Париже в 1840 году жили 935 тысяч человек...)

"Long room"

В подвалах Таможни хранятся конфискованные вещи и наиболее важные документы. Все помещения там разделены железными дверями, так что если в одной из комнат случится пожар, то он не распространится на другие помещения¹⁰.

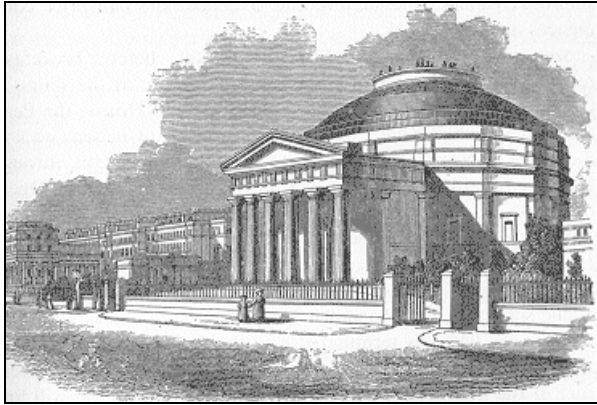
Впечатлений от Лондона у меня была масса, и я поклялся себе, что я непременно вернусь в этот волшебный город, когда стану взрослым (так оно и случилось, хотя мне пришлось ждать этого дня двадцать пять лет...)

Гайд-Парк (Hyde Park) – это прекрасное место для любителей верховой езды. Въезд в этот парк разрешён только домашним экипажам; омнибусы и публичные кареты должны оставаться за воротами (пять ворот этого парка открыты с 6 часов утра до 9 часов вечера). Лучшего места, где бедный, но прилично одетый мальчишка может поглазеть на изумительно красивых лошадей, принадлежащих богатым джентльменам, и на изысканные наряды богатых леди, во всём Лондоне не найти. В Гайд-Парке есть прекрасный пруд, который называется "извилистой рекой" (serpentine river), и памятник герцогу Веллингтону, отлитый из пушек, захваченных англичанами в сражении при Ватерлоо.

Другой парк, в котором я всегда любил гулять, – это Риджентс-Парк (Regent's Park), где можно было увидеть Диораму, которая некогда удивляла Париж и была затем перенесена в Лондон, а также Колизей – большое здание, специально построенное (в 1827-

¹⁰ Первое здание таможни, построенное в Лондоне ещё в 1385 году, было (как и все последующие) уничтожено пожаром.

1828 гг.) для размещения самой большой и точной панорамы Лондона, снятой с вершины собора Святого Павла и нарисованной на холсте площадью 3700 кв. м.

Риджентс-Парк, Колизей

Разумеется, мне также запомнился находящийся в этом парке большой зверинец, в котором в просторных клетках содержатся львы, тигры, множество обезьян и т. д. и в котором можно было увидеть даже слона и носорога. Два эти парка стали моими любимыми местами отдыха, и я проводил в них почти всё своё свободное время, которого у меня, впрочем, было очень мало...

Политехнический музей (Royal Polytechnic Institution) был ещё одним местом, в котором я мог бы без скуки провести несколько дней (если бы у меня была такая возможность). Там объясняли и показывали действие различных машин и механизмов. В главном зале для показа моделей водяных машин и разнообразных кораблей устроены два больших бассейна, наполненных водой. Там же сооружён обложенный камнем колодец, в котором можно было увидеть, как работает водолазный колокол. Запомнился мне также и показ диафильмов: на большом экране сменяли одна другую прекрасные картины. В этом же музее можно было увидеть удивительной работы круглый стол из севрского фарфора, в середине которого был изображён Наполеон в полном императорском облачении, а по краям – его прославленные маршалы.

Незабываемое впечатление произвёл на меня фейерверк в Зоологическом саду (Surrey Zoological Gardens). Со специально устроенной галереи можно было любоваться макетом города Рима. С наступлением сумерек, окна в игрушечных домиках начинали светиться. Под прекрасную музыку игрушечные экипажи и люди на улицах начинали

двигаться. А затем взлетали в воздух ракеты, и вся сцена освещалась то розовым, то голубым, то зелёным светом. Ну а потом в парке начинались "потешные огни": фонтаны из разноцветных искр, горящие огнём колёса, букеты огненных цветов и пр. и пр. Увидав такое зрелище в детском возрасте, забыть его уже невозможно до глубокой старости...

1840

10-ого февраля 1840 года в Королевской часовне дворца Св. Якова (Chapel Royal) состоялась церемония бракосочетания королевы Виктории и принца Альберта... Дождь лил как из ведра, но на улицах всё равно собрались огромные толпы зрителей, желающих посмотреть на свадебный кортеж. С самого утра люди спешили со всех концов Лондона в сторону королевского дворца, чтобы занять место поудобнее. Улицы города были украшены гирляндами из цветов и разноцветными флагами. Несмотря на дождь, весь Парк Св. Якова (St. James's Park) около королевского дворца (Buckingham Palace) был заполнен толпой задолго до 8-ми часов утра. Это была первая королевская свадьба за последние сто лет, которую праздновали всенародно. Видимо, предчувствуя, что до следующей королевской свадьбы многие из них не доживут (королева Виктория царствовала 64 года), насквозь промокшие и замёрзшие люди терпеливо ждали полудня, когда должна была начаться церемония.

Принц Альберт (к тому времени он уже сменил своё немецкое имя Альбрехт на английское Альберт) первым появился в дверях Букингемского дворца. Он был одет в форму английского фельдмаршала, которая состояла из бежевых кашемировых панталон и красного кителя. Через плечо у него была перекинута атласная голубая лента, а на груди – сверкал бриллиантовый крест ордена Подвязки. Его золотые эполеты по случаю свадьбы были украшены белыми атласными бантами. По бокам от него шли его отец и брат – оба в зелёных мундирах кобургской армии. Зазвучали фанфары – и принц, бледный и сосредоточенный, принял почести, какие обычно оказывают государям...

Голову королевы Виктории вместо короны украшал простой веночек из флёрдоранжа – белых цветов апельсинового дерева. Голубая лента ордена Подвязки ярко выделялась на её расшитом затейливыми узорами атласном платье (эскизы и выкройки этого платья были сожжены, чтобы не допустить его копирования; все наряды королевы

были только английского производства). Артиллерийский салют из двадцати орудий, сопровождаемый восторженным рёвом толпы, гремел, пока юная королева усаживалась в свою роскошную карету. Двенадцать придворных дам, выбранных, чтобы сопровождать невесту во время церемонии, блистали своими умопомрачительными нарядами. Нарядные кирасиры верхом на изумительно красивых лошадях сопровождали свадебный кортеж. Английский премьер-министр, лорд Мельбурн, с церемониальной шпагой на боку, был одет в строгий чёрный костюм. Предметом его особой гордости был роскошный бархатный плащ. Накануне он, смеясь, сказал королеве Виктории: "Надеюсь, что завтра все будут смотреть только на мой новый плащ"...

В 12 часов процессия двинулась из Букингемского дворца в сторону дворца Св. Якова (St. James's Palace), где должно было состояться бракосочетание. А ровно через час пушки, стоявшие в Гайд-парке и в Тауэре, снова гремели в тот момент, когда принц Альберт надевал на палец королевы Виктории обручальное кольцо...

Рассказам и пересудам не было конца. Свадебный банкет продолжался до четырёх часов утра. Говорили, что понадобилось четыре человека, чтобы поднять свадебный торт, который весил сто пятьдесят килограммов. На его вершине фигура, символизовавшая британскую нацию, благословляла новобрачных в античных одеждах. У ног жениха сидела собака – символ верности, а рядом с королевой вились два голубка, олицетворяющих вечную любовь. По бокам торт был украшен букетиками цветов и купидонами, о которых газета "Таймс" писала: "Мы могли убедиться, что ни один из этих купидонов не был похож на лорда Пальмерстона!" (Министр иностранных дел, прозванный за свои подвиги на любовном фронте Купидоном, недавно женился на сестре лорда Мельбурна).

На Лондон спустились сумерки, повсюду зажгли разноцветные огни. В этот вечер все театры бесплатно открыли двери публике. Празднества продолжались три дня...

В Лондоне мы жили сначала в гостинице, а потом благодетель наш, Иван Александрович, снял для своей семьи небольшой кирпичный домик, в котором нашлась комнатка и для нас. Чтобы оплачивать эту комнату и сделать кое-какие сбережения, мой отец устроился (по протекции влиятельных друзей Ивана Александровича) на хорошо оплачиваемую работу на кухне известного повара Алексиса Суайе.

Alexis Soyer

Знаменитый французский повар Алексис Суайе (Alexis Soyer), который эмигрировал из Франции в Англию после революции 1830 года, приобрёл в Лондоне большую популярность и в 1839 году стал шеф-поваром в лондонском Реформ-клубе.

Иван Александрович, впрочем, отказался от денег за комнату и по-прежнему платил моему отцу жалование. Рано утром отец готовил для Ивана Александровича и его супруги завтрак, к двенадцати часам дня был уже готов для них обед (по-английски – ланч, lunch), а с часу дня до девяти-десяти часов вечера отец должен был быть на работе. Ужинали наши господа в гостях или в ресторане (на английский язык слово "ужин" переводится как "обед", dinner), а от того, что называется по-английски ужин (supper) они всегда отказывались, потому что рано ложились спать.

В Англии ужинают (в английском смысле, то есть в 9-10 часов вечера) только богатые аристократы, которые часто ложатся спать не раньше полуночи.

Торговые дела у Ивана Александровича шли хорошо, и он отправил своего сына на учёбу в одну из закрытых английских частных школ, которые в Англии почему-то называются "публичными" (public schools). Ну а мне нашлась работа: курьером в одной из лондонских газет (а позднее – ещё и мальчиком на побегушках в местной аптеке). Почти всё, что я зарабатывал, я отдавал отцу, а на чаевые покупал школьные принадлежности для своих занятий и мои любимые лакомства: орехи в сахаре и конфеты "Wellington sticks" (сахарные палочки в синюю, красную и жёлтую полоску).

Работа курьером в газете и в местной аптеке помогла мне быстро освоить разговорный английский язык и хорошо изучить центральную часть Лондона... Один из наших клиентов, которому я доставлял газеты, – мистер Джордж Браун (Brown) – оказался хорошим педагогом. Ни жены, ни детей у него не было, я ему чем-то понравился, и он начал учить меня вечерами английскому языку. Этому человеку я был и буду благодарен всю мою жизнь... У него была хорошая библиотека, в которой можно было найти и исторические романы Вальтера Скотта (Scott), и популярную политэкономия Гарриет Мартиноу¹¹ (Martineau). Мистер Браун познакомил меня и с английской историей, и с английской литературой (он пересказывал мне книги по истории Англии и исторические романы, читал мне вслух знаменитые пересказы произведений Шекспира Чарльза Лэма)¹² и даже познакомил меня (разумеется, в самой элементарной форме) с начатками политической экономии. На чтение биографий знаменитых воров и разбойников у меня времени не оставалось...

"Ньюгейтские романы" ("Newgate novels"), в которых описывались злодеи и их ужасные преступления, были очень популярны в Англии в 1830-ых годах (Ньюгейт – это название известной лондонской тюрьмы). Самыми популярными из них были *Paul Clifford* (1830) и *Eugene Aram* (1832), написанные Эдвардом Бульвер-Литтоном (Bulwer-Lytton), а также *Rookwood* (1834) и *Jack Sheppard* (1839) Уильяма Эйнсворта (Ainsworth). Конечно, "ньюгейтские романы" нравились не всем, тем более, что в некоторых из них известные преступники, такие как Юджин Арам или Джек Шепард, описывались чуть ли не с симпатией. Некоторые серьёзные писатели (например, Чарльз Диккенс в своей книге "Приключения

¹¹ или, на французский манер, Мартино (см.: Harriet Martineau. *Illustrations of Political Economy*, 1832).

¹² Английский писатель Чарльз Лэм (Lamb) опубликовал свои замечательные пересказы пьес Шекспира для детей (*Tales from Shakespeare*) в 1807-ом году. Эта книга вошла в сокровищницу английской детской литературы.

Оливера Твиста" или Уильям Теккерея в своей "Катерине") пытались дать более реалистическое описание жизни преступного мира¹³.

Под влиянием ньюгейтских романов некоторые мальчишки, чтобы показать свою лихость, совершали необычные поступки (и проступки). В газетах писали о пятнадцатилетнем "удальце" по имени Эдвард Джонс (Jones), который в 1838 году через каминную трубу пробрался во дворец королевы, но был задержан охраной, которая сразу же обратила внимание на незнакомого мальчишку, с ног до головы покрытого сажей и копотью. Поскольку его признали умственно неполноценным, он отделался всего лишь строгим предупреждением. Известность открыла перед ним много возможностей. Американский писатель Фенимор Купер (Cooper) хотел увезти его с собой в Америку в качестве "типичного образчика английского предприимчивого парня", но мать Эдварда не позволила сыну уехать за океан. Какой-то театральный деятель предлагал Эдварду большие деньги (4 фунта в неделю) за исполнение главной роли в пьесе "Вторжение, или Непрошенный гость". Однако театральной карьере сына воспротивился отец мальчика. "У этого парня и так не всё в порядке с головой", – сказал он. Два года спустя Джонс повторил свой "подвиг". В декабре 1840 года его обнаружили под диваном в гардеробной Её Величества. Оказалось, что он пробрался во дворец через незапертое окно и два дня скрывался на чердаке. Ночью он выбрался из своего укрытия и был пойман на пути к спальне королевы. На допросе он признался, что прошлой ночью съел предназначенный для Её Величества мясной пирог и даже посидел на её троне (на подлокотниках королевского трона были найдены отпечатки чьих-то грязных пальцев)¹⁴. Когда Джонса спросили о цели его проникновения во дворец, он сказал, что хотел написать газетный репортаж об увиденном там. Газетная известность спасла Джонса и на этот раз. В те годы, когда даже за мелкую кражу можно было попасть на виселицу, он получил сравнительно мягкое наказание: его отправили служить на военный корабль под надзор строгого

¹³ Роман Диккенса "The Adventures of Oliver Twist" печатался с февраля 1837 по март 1839 года в журнале *Bentley's Miscellany*. Роман "Catharine" Уильяма Теккерея (Thackeray) был опубликован в журнале *Fraser's Magazine* в 1839-1840.

¹⁴ Системы идентификации личности по отпечаткам пальцев тогда ещё не было. Только в 1885 году английский учёный Гальтон (Francis Galton) доказал, что отпечатки пальцев каждого человека уникальны и неизменны.

боцмана (от которого он, впрочем, скоро сбежал, но был задержан полицейским в Портсмуте и возвращён на корабль).

Самая первая в моей жизни книга на английском языке, которую я от начала до конца самостоятельно прочитал (очень редко обращаясь к словарю), была книга леди Колкот (Maria Callcott) "История Англии для малыша Артура" (*Little Arthur's history of England*, 1835).

"История Англии для малыша Артура"

Древние бритты

Древние бритты (Britons) строили свои дома из переплетённых между собой прутьев, обмазанных глиной. Глина высыхала на солнце, и такие стены и крыши защищали людей от дождя и ветра. Эти дома строились обычно в лесу, на высоком берегу или на холме у реки – чтобы вода во время разлива реки не достигала их жилищ; с этой вершины можно было также обозревать окрестности и вовремя замечать опасность.

Таким же образом (из переплетённых между собой прутьев, обтянутых шкурами животных) они строили свои лодки.

Вокруг поселения, состоящего из нескольких десятков таких домов, постепенно образовывалась из сваленных в кучи камней, срубленных деревьев и выкорчеванных пней труднопроходимая для диких зверей "стена".

Спали древние британцы на деревянных лавках или прямо на полу – на постелях из сена и сухих листьев, покрытых звериными шкурами. Одежда их была тоже сшита из звериных или овечьих шкур. Посуда у них была деревянная (в некоторых частях страны – глиняная). Питались они мясом убитых на охоте животных и птиц или домашних овец (там, где были луга для пастбища), овечьим молоком, приготовленным из овечьего молока сыром и рыбой, выловленной в реке. Охотились они с помощью копий, луков и стрел, рыбу ловили неводом. Они также собирали в лесу грибы, ягоды и лесные орехи. Там, где им удавалось расчистить пространство под поле, они выращивали хлеб и овощи. Хлеб тогда был большой редкостью.

Бритты часто раскрашивали свои тела и лица голубой краской, которую они добывали из растения, называемого вайда (woad).

Древние бритты ничего не знали об истинном Боге. Они верили в местных богов, которые якобы жили в густых дубовых лесах. Их священниками были мудрые седобородые старцы, которые назывались друиды. В отличие от обычных людей, друиды носили белую льняную одежду и перевязывали волосы вокруг головы белой лентой. Люди делились с ними едой, а друиды должны были за это просить у местных богов всяких милостей.

Друиды знали, когда надо сеять, а когда собирать урожай; они также знали свойства целебных трав, и люди обращались к ним за помощью в случае болезни. Друиды также учили людей строить лодки и колесницы, ковать железо и медь. Они же давали советы королям и учили людей петь священные песни. Тогда ещё не было письменности, и эти песни заучивались наизусть и передавались из поколения в поколение.

Римляне

Жители древнего города Рима (римляне) были в те времена самым смелым, самым могущественным и самым богатым народом. Завоевав все страны между Римом и Британией, они научили местных жителей читать и писать. О жизни древних бриттов мы знаем из сочинений прославленного римского полководца и государственного мужа Юлия Цезаря, а также из сочинений римских военачальников, купцов и ремесленников, которые проникли в Британию вслед за ним.

Многим бриттам не нравились чужеземцы на их земле, и эти бритты вступали с римлянами в борьбу. Другие же – переселялись в римские города и старались научиться у римлян всему, что тем было известно.

Римляне строили в Британии прекрасные здания и разрабатывали залежи свинца, олова, меди, золота и серебра. Они строили города из кирпича и камня, соединяли их прекрасными дорогами, возделывали поля и сажали фруктовые сады, разводили овец и делали из их шерсти прекрасные ткани. А кроме того, они строили школы и учили детей читать и писать.

Лондон был поначалу огромным рынком, на котором люди обменивались друг с другом товарами: сапоги меняли на цыплят, ножи – на хлеб и т. д. Такой обмен был очень неудобным и римляне начали чеканить в Британии медные и серебряные монеты, которыми можно было расплачиваться за все эти товары. Теперь не нужно было обменивать цыплят на сапоги: и то, и другое можно было купить за деньги. Богатые купцы строили в Лондоне свои дома и склады, а военачальники – строили военные укрепления и крепостные стены.

Разумеется, было бы неудобно иметь всего один торговый город на всю страну. Постепенно города стали возникать по всей Британии. Чаще всего они строились вокруг рынков или военных крепостей. Римлянам понравились целебные горячие источники на юге Британии и они стали строить там свои дома и бани. Так возник город Бат (Bath).

А в городе Йорке (York) римляне построили не только школу, но и библиотеку!

Англы и Саксы

После ухода римлян из Британии на эту страну напали германские племена саксов. Бритты под предводительством короля Артура и его рыцарей отчаянно сопротивлялись новому нашествию, но саксы оказались сильнее. О короле Артуре передавали из поколения в поколение много легенд и сказок.

Вслед за саксами в Британию вторглись германцы англы (которые и дали имя Англии). Англосаксы сожгли все оставленные римлянами книги и разрушили все построенные римлянами школы...Объединившись, англы и саксы вытеснили практически всех бриттов в Уэльс, Ирландию и Шотландию, а вся Англия разделилась на семь королевств.

Ина

Вскоре в Англию прибыли из Рима Св. Августин и 40 его помощников, которые постепенно обратили англосаксов в христианскую веру. Король Уэссекса Ина ввёл специальный налог (Peter's Pence) и на эти деньги послал в Рим молодых людей для учёбы в школе, где юношей учили читать, писать, считать, рисовать, строить церкви, устраивать сады и парки. Закончив учёбу в Риме, эти молодые люди вернулись в Англию.

Англосаксы любили свободу и не позволяли никому входить в их дом без приглашения или без разрешения хозяина.

Эгберт

Первого англосаксонского короля всей Англии звали Эгберт. Он был мудрым правителем и отважным воином. Большинство его детей и внуков, однако, не отличались этими качествами и не смогли защитить страну от нашествия датчан (Danes).

Но был среди его внуков Альфред, который, став королём, вступил в борьбу с датчанами.

Альфред

Поначалу дела у Альфреда шли не очень успешно, и какое-то время он даже вынужден был скрываться под видом работника в доме одного фермера. Как-то раз жена фермера попросила его последить за лепёшками, которые она пекла. Альфред, занятый более важными делами, забыл про лепёшки, и они подгорели, и жена фермера начала его отчаянно бранить. Вскоре, однако, она узнала, что их работник – это на самом деле король Альфред, и умоляла его простить её за брань. Король Альфред улыбнулся и сказал, что простит её за ругань, если она простит его за подгоревшие лепёшки...

Для того чтобы не позволить датчанам высаживаться на английской земле, Альфред решил сражаться с ними на море и начал строить прочные деревянные корабли. Его флот насчитывал больше ста судов.

Одержав несколько побед над датчанами, король Альфред занялся мирными делами. Он очень любил читать и даже перевёл несколько книг с латинского на англосаксонский язык. А свой флот он начал использовать для развития торговли с другими странами.

Дунстан

Во времена потомков Альфреда епископ Дунстан приобрёл в Англии огромную власть. Он был очень умным и умел нравиться людям. Он хорошо играл на арфе, умел делать вещи из железа и меди и первым начал отливать колокола для церквей. Однако он был очень недобрым человеком. Его сторонники свергли с престола короля, после жестоких пыток убили королеву и сделали королём Эдгара, который должен был во всём слушаться Дунстана.

Эдгар

Эдгар успешно воевал с королями Уэльса и Шотландии. Однако, победив своих противников, Эдгар не требовал от них денег, а посылал их в лес охотиться на волков. Он требовал, чтобы те присылали ему каждый год 300 волчьих голов, и таким образом почти все волки в Англии были истреблены, и пастухи могли больше не опасаться за свои стада.

Кнут

Долг короля – мудро управлять людьми. Король должен не только установить хорошие законы, но и позаботиться о том, чтобы его подданные соблюдали их.

Во времена короля Этельреда датчане снова вторглись в Англию и возвели на английский престол своего короля Кнута (Canute). Потомкам короля Альфреда пришлось бежать за границу – в Нормандию, и даже в Венгрию. Но Англии повезло. Король Кнут правил мудро и справедливо. Он восстановил многие законы короля Альфреда, посылал молодых людей учиться в Рим и, в целом, этот датский король сделал для Англии больше хорошего, чем многие английские короли до него.

Вильгельм Завоеватель (1066-1086)

После битвы при Гастингсе (1066) английским королём стал герцог нормандский Вильгельм.

Победители говорили по-французски, а побеждённые – по-английски. Был даже издан специальный указ, чтобы норманны учились английскому, а англосаксы – французскому языку.

Но самое большое неудовольствие англосаксов вызвал закон, запрещающий им охотиться не только в диком лесу, но даже и на своих угодьях.

Вильгельм Завоеватель разослал своих слуг по всем городам и сёлам Англии с приказом записать, сколько в каждом поселении есть домов, сколько людей в них живут и сколько эти люди имеют земли и скота в собственности. Результаты этой переписи были отражены в "Книге страшного суда" (*Doomsday Book*). Теперь можно было точно определить, кто сколько должен платить налогов в королевскую казну.

Генрих II (1154-1189)

После пятнадцатилетней гражданской войны, принесшей англичанам много горя и разрушений, королём стал Генрих II.

Расплатившись с французскими наёмниками, он отослал их домой, во Францию. Он также приказал многим норманнским баронам (как, впрочем, и англосаксонским графам) разрушить их замки, в которых нередко укрывались преступники. Сожжённые во время гражданской войны города были отстроены вновь, и в Англии был восстановлен мир и порядок. Король приказал судьям несколько раз в год объезжать их участки, и правосудие сделалось доступным для его подданных во всём государстве.

Генрих II помогал деньгами учёным и писателям вне зависимости от того, были ли они по происхождению норманнами или англосаксами.

Генрих II часто ссорился со своим бывшим другом – архиепископом Кентерберийским по имени Томас Бекет (Becket), и после одной из таких ссор слуги короля убили архиепископа прямо в церкви во время молитвы. Король тяжело переживал эту потерю и сожалел, что он вышел из себя во время ссоры.

Друзья уговорили Генриха взять в жёны Элеонору Аквитанскую – потому что она была одной из самых богатых женщин в Европе. Но она была недоброй женщиной и не могла дать хорошего воспитания своим четырём сыновьям... Двое из них, с помощью французского короля, вели войну против своего отца. Третий – Ричард (Ричард Львиное сердце) в конце концов стал королём, но провёл большую часть своей жизни в Крестовых походах и не сделал для Англии ничего хорошего.

Пока он отсутствовал, в Англии царили произвол и беззаконие. На дорогах хозяйничали разбойники. Самым известным из них был Робин Гуд, живший со своей шайкой в Шервудском лесу. Робин Гуд нередко раздавал часть своей добычи беднякам, и поэтому окрестные жители любили его и слагали о нём баллады и легенды.

Иоанн (1199-1216)

Злодейка-мать (всё та же Элеонора Аквитанская) уговорила Джона захватить королевскую власть, пока Ричард воевал за границей. Верные Ричарду бароны не допустили этого. Но Иоанн (Джон) всё же стал королём после смерти Ричарда.

Великая хартия вольностей (1215)

Джон причинил Англии много бед. Уставшие от жестокостей и беззаконий Джона, бароны заставили его подписать документ, в котором англичанам были обещаны свобода и справедливый суд. Этот документ получил название Великая хартия вольностей (Magna Carta).

Генрих III (1216-1272)

Царствование Генриха III было долгим, но несчастливым...

Все люди хотят жить в безопасности. Поэтому они платят своим правителям налоги – деньги, на которые правители содержат армию и флот (для защиты от иноземного вторжения) и стражу (для защиты от воров и разбойников). Генрих III неразумно растрачивал эти деньги и постоянно требовал ещё больше денег. Английский народ воспротивился этому и заставил короля принять закон, в соответствии с которым король не мог устанавливать новые налоги без согласия народных представителей (то есть без согласия парламента).

Эдуард I (1272-1307)

В молодые годы Эдуард много путешествовал по Европе и старался запомнить всё, что он видел там хорошего, чтобы позднее применить это знание в Англии. В Испании он женился на Элеоноре Кастильской (которая заботливо ухаживала за ним, когда он был ранен). Её отец и брат многому научили его: как обрабатывать поля, чтобы получить большой урожай; как ухаживать за коровами и свиньями, чтобы получить больше молока и мяса; как вывести новую породу овец с густой и красивой шерстью; как выращивать породистых лошадей, нужных для кавалерии.

При Эдуарде жители городов начали регулярно посылать в парламент своих представителей. Король также уделял много внимания безопасности на дорогах, чтобы купцы могли без страха перевозить свои товары из одной части страны в другую.

Чтобы обезопасить Англию от набегов грабителей на севере и на западе, Эдуард захватил Уэльс и вторгся в Шотландию. Он был при этом жесток и бессердечен. Например, он два года держал в заточении прекрасную Элинору, невесту правителя Уэльса Ллевеллина (Llewellyn), в надежде, что, в обмен на её освобождение, Ллевеллин уступит ему без борьбы свои земли в Уэльсе. Однако Ллевеллин предпочёл погибнуть в бою за свою страну, нежели устроить свой желанный брак за счёт предательства...

В Шотландии на борьбу с англичанами поднялся отважный Уильям Уоллес (Wallace). После нескольких побед над англичанами он был схвачен, доставлен в Лондон и обезглавлен. После смерти Уоллеса борьбу за независимость Шотландии от Англии возглавил шотландский король Роберт Брюс (Bruce). Во время этой войны Эдуард I умер.

Эдуард II (1307-1327)

Против этого слабого, неспособного и несчастного короля дважды воевала его собственная жена. В конце концов он был схвачен и заточён в темницу; вскоре он был там убит.

Эдуард III (1327-1377)

Эдуард III во всём старался брать пример со своего деда, Эдуарда I. Он успешно воевал против Франции и на суше, и на море (первое морское сражение между англичанами и французами закончилось победой англичан; корабельных пушек тогда ещё не было, для метания больших камней, на кораблях использовались катапульты).

В Битве при Креси Эдуард III одержал блестящую победу над французами (хотя французов было в три раза больше). Правым флангом в этом сражении командовал его 16-летний сын Эдуард (которого позднее стали называть "Чёрный принц", так как он носил чёрные доспехи).

Через три дня после этой битвы измученные голодом защитники французского портового города Кале после многомесячной осады сдались на милость победителя. Английские суда могли теперь кратчайшим путём – из Дувра (Dover) в Кале (Calais) – достигать французских берегов.

Эдуард III сказал, что он пощадит жителей, если к нему явятся с ключами от города шесть безоружных и босоногих знатных горожан (которых он намеревался повесить). Шесть благородных французских рыцарей добровольно согласились пожертвовать своей честью и своей жизнью, чтобы спасти жизнь своим согражданам. Но королева Филиппа на коленях умоляла короля сохранить им жизнь, и он уступил её просьбе.

королева Филиппа

Королева Филиппа сделала много хорошего для Англии. Она жертвовала деньги на строительство церквей; построила несколько колледжей в Оксфорде; пригласила из Франции учёного монаха Фруассара (Froissart), который работал над английской летописью (Chronicles); её сын, герцог Ланкастерский Джон Гонт (John of Gaunt), покровительствовал великому поэту Джеффри Чосеру (Chaucer), который создавал свои стихи и поэмы на английском языке (до него английские поэты писали свои стихи на латинском или на французском языке). Королева способствовала переводу Библии на английский язык, и, под её влиянием, Эдуард III повелел всем юристам использовать в их деятельности английский язык (а не французский, как раньше).

Десять лет спустя, англичане одержали ещё одну блестящую победу над французами в битве при Пуатье (Poitiers). На этот раз у французов было в пять раз больше солдат, чем у англичан! Эдуарду ("Чёрному принцу") удалось выиграть это сражение и даже захватить в плен французского короля (с которым он, впрочем, обращался очень благородно).

Королева Филиппа умерла за восемь лет до смерти своего супруга. У неё было много детей. Старший из них – Эдуард ("Чёрный принц"), был талантливым полководцем и галантным рыцарем. Он мог бы стать одним из величайших королей Англии, но он заболел и умер в возрасте 33 лет, за год до смерти своего отца.

Ричард II (1377-1399)

Ричард II был сыном "Чёрного принца". После смерти его дяди, Джона Гонта (Gaunt), Ричард захватил его имущество, оставил Генриха (сына Гонта) ни с чем и изгнал его из страны. Через несколько лет Генрих (герцог Ланкастерский) вернулся в Англию и созвал парламент, который заставил Ричарда отречься от престола и провозгласил Генриха королём.

Генрих IV (1399-1412)

Генрих IV сделал для Англии немало хорошего, но он также запомнился тем, что преследовал людей за их религиозные убеждения (многие люди были брошены в тюрьмы, потому что они не могли согласиться с некоторыми церковными обрядами).

Генрих V (1413-1422)

В молодости Генрих V проводил жизнь в пирах и веселье, и никто (включая его отца) не надеялся, что он станет хорошим королём. Однажды молодой гуляка даже попал в заключение. Судья не побоялся отправить в тюрьму королевского сына – потому что молодой Генрих нарушил закон! К чести Генриха, надо сказать, что, когда он стал королём Генрихом V, он никак не преследовал этого судью и относился к нему с почтением.

Став королём, Генрих расстался с весёлыми друзьями своей молодости, приблизил к себе умных советников и успешно вёл войну против Франции. Он женился на французской принцессе и заключил с французами мир при том условии, что после смерти

умалишённого французского короля, Генрих (и его потомки) будут управлять не только Англией, но и Францией.

Генрих VI (1422-1452)

Сын Генриха V был ещё младенцем, когда умер его отец. И хотя он был формально провозглашён королём, страной управляли его опекуны и советники. Воспользовавшись этим французы решили нарушить условия мира и, под знаменем Жанны де Арк, вытеснили англичан из Франции. Хотя сама Жанна де Арк была схвачена и сожжена на костре, мало-помалу англичане утратили все свои владения во Франции.

Аристократы (the Nobles) могут быть полезны в государстве. Потому что они богаты и им не надо заботиться о куске хлеба, у них есть время для занятий государственными делами. И сожаления достойно, когда они вступают в кровавую борьбу между собой, потому что от гражданской войны страдают и простые люди.

Генрих VI не отличался умом, а его хитрая жена хотела управлять не только своим мужем, но и всей Англией. Это не понравилось двоюродному брату короля герцогу Йоркскому (у него в гербе была белая роза). Он решил, что он будет лучшим королём, чем глупый Генрих Ланкастерский (в гербе Ланкастеров была алая роза). Но у Ланкастеров нашлись защитники.

С этого времени в Англии начинается многолетняя гражданская война. Эта страшная война, которая длилась больше тридцати лет, получила название войны Роз. Верх в этой войне брала то одна, то другая сторона. С каждым годом аристократы ожесточались всё больше и подвергали друг друга жесточайшим пыткам и казням.

Эдуард IV (1461-1483)

Хотя отрубленная голова герцога Йоркского в бумажной короне уже давно была насажена на шест в городе Йорке, Эдуард IV (из рода Йорков) был в 1461 году провозглашён королём. Однако Ланкастеры по-прежнему считали королём Генриха VI (который позднее был убит в заточении), и война продолжалась. В стране царил полнейшее беззаконие, невинные люди погибали тысячами.

Эдуард V (1483)

После смерти Эдуарда IV королём был объявлен его 13-летний сын Эдуард. Эдуард V был королём всего несколько месяцев. Он и его младший брат были убиты в Тауэре. В этом убийстве подозревали Ричарда, герцога Глостерского, который и стал после их смерти королём.

Ричард III (1483-1485)

Ричард III царствовал не долго и был убит в сражении с восставшими против него баронами. Во время последнего боя корона слетела у него с головы. Кто-то подобрал её и

водрузил её на голову графа Ричмонда с криком "Да здравствует новый король Англии Генрих VII!" Так прекратилась долгая и страшная война Роз, а в Англии воцарилась новая королевская династия – династия Тюдоров (которые объединили в своём гербе обе розы – и белую, и алую).

Генрих VII (1485-1509)

Генрих VII сделал для Англии немало полезного. Он посылал молодых людей на учёбу в Италию, поощрял торговлю и мореплавание. Но народ его почему-то не любил, и после его смерти плакали не многие.

Генрих VIII (1509-1547)

Генрих VIII царствовал почти 40 лет. В первые годы его правления он пользовался уважением умных и образованных людей – юристов, врачей, писателей, художников и т. д. Но в дальнейшем – этот король значительно изменился. У него было шесть жён, которые одна за другой умерли, были изгнаны или казнены.

Его дети от первых трёх жён занимали в дальнейшем английский трон: Мария, Елизавета, Эдуард VI.

Король казнил не только своих жён, но и своих друзей, которых он подозревал в измене. Он не пожалел даже одного из самых образованных людей того времени, своего канцлера Томаса Мора.

Генрих VIII постоянно ссорился с церковниками и в конце концов отобрал у них все монастырские земли. В разгар борьбы между "протестантами" и "папистами" король объявил себя главой английской церкви и казнил многих церковных деятелей (как протестантов, так и католиков).

Эдуард VI (1547-1553)

Эдуард VI был воспитан в протестантской вере и стал королём в 9 лет. Его протестантские опекуны и советчики разрешили всем желающим читать Библию на английском (а не на латинском) языке; церковную службу тоже было разрешено вести по-английски; священникам было разрешено жениться, а из тюрем были выпущены те, кто попал туда за свои религиозные убеждения. Однако через шесть лет юный король умер.

Леди Джейн Грей (1553)

Двоюродная сестра Эдуарда леди Джейн была королевой всего 10 дней. Она получила хорошее образование: читала по-латыни и по-гречески; свободно говорила по-французски, по-испански и по-итальянски; обучалась музыке и живописи. Леди Джейн поначалу отказывалась стать королевой (хотя такового было желание её покойного кузена), но два графа (её отец и тесть) на коленях умоляли её согласиться – во имя её протестантской

веры, и она согласилась. Однако в тот же день, когда она стала королевой, паписты провозгласили королевой старшую сестру Эдуарда – Марию.

Мария (1553-1558)

Когда на престол взошла ревностная католичка Мэри, для протестантов начались трудные времена.

Леди Джейн покинула престол без борьбы, но Мария всё равно отправила её в Тауэр, а через восемь месяцев, по приказу Марии, леди Джейн была обезглавлена. Ей не было ещё и семнадцати лет...

Начиная с этого времени, казни следовали одна за другой. По всей Англии запылали костры, на которых сжигали протестантов, а королева получила прозвище Кровавая Мэри.

Мэри начала войну с Францией. В результате этой войны англичане потеряли Кале – важнейший английский порт на французском берегу...

Елизавета (1558-1603)

Господь не оставил Англию без помощи! После смерти ненавистой всему народу Марии на престол взошла королева Елизавета, которая с первых дней прислушивалась к словам своих мудрых советников. Первым делом она выпустила из заключения всех протестантов, которые были приговорены Марией к сожжению на костре. Елизавета снова разрешила молиться по-английски и читать Библию на английском языке. Она назначила Архиепископом Кентерберийским протестантского священника. Но у неё хватило мудрости не преследовать тех католиков, которые не имели отношения к пыткам и казням во времена Кровавой Мэри.

В Англии нашли спасение многочисленные протестантские беглецы из Голландии и Фландрии, которых испанский король хотел насильно сделать католиками. Многие из этих людей владели полезными знаниями и обучали англичан своему ремеслу.

В Шотландии тем временем стала королевой умная и прекрасная лицом, но жестокая и злая вдова французского короля Мэри, которая осталась в истории под именем шотландской королевы (Mary, the Queen of Scots).

Мэри вышла замуж за лорда Дарнли (Darnley), и у них родился сын Яков (Джеймс). Но позднее она захотела, чтобы её любовник убил её мужа. Через четыре месяца после этого преступления она вышла замуж за убийцу. В стране разразилась гражданская война, и Мэри даже попала на какое-то время в заточение, но её могущественные друзья-паписты помогли ей выйти на свободу...

Эту женщину английские паписты и избрали своим орудием в борьбе против Елизаветы...

Верные друзья королевы Елизаветы перехватили письма, которые Мэри написала Папе Римскому и королям Испании и Франции. В этих письмах она просила их поддержки в том, чтобы свергнуть и убить королеву Елизавету. После того как заговор раскрылся, Мэри была обезглавлена.

Рассказывают, что когда за ней пришла стража, чтобы вести её на казнь, она была очень сердита, что ей не дали времени, чтобы вполне закончить её причёску...

Королева Елизавета решила не выходить замуж ни за протестанта, ни за католика. И это одна из причин, почему её любили и те, и другие.

Говорят, что одним из её возможных женихов был будущий русский царь Иван Грозный, которому было тогда 28 лет.

Английский адмирал Фрэнсис Дрейк (Drake) был первым англичанином, который совершил кругосветное плавание. Сначала он пересёк Атлантический океан, обогнул Южную Америку, повернул на север и достиг западного побережья Северной Америки; затем он повернул на юго-запад, пересёк Тихий океан, миновал Австралию, обогнул Мыс Доброй надежды и вернулся в Англию, проплыв вдоль всего западного побережья Африки.

Другим знаменитым английским адмиралом был сэр Вальтер Ралей (Walter Raleigh), который основал в Северной Америке первую английскую колонию и назвал её Виргиния.

Королева впервые заметила Ралея, когда он, встретившись с ней, бросил в лужу ей под ноги свой плащ, чтобы она не замочила туфли.

Король испанский Филипп задумал завоевать Англию и, собрав огромный флот, который он назвал "Непобедимая Армада", начал против Англии войну. В Англии началось ускоренное строительство флота, увеличилась армия. Богатые люди снаряжали на свои деньги корабли и закупали пушки. Бедные – трудились без дополнительной платы.

Господь помог Англии. "Непобедимая Армада" попала в жестокий шторм, и многие испанские корабли так и не доплыли до Англии. А те, которые доплыли, были

уничтожены англичанами в морских сражениях. На сушу – испанские солдаты так и не высадились.

Яков (Джеймс) I (1603-1625)

Шотландский король Яков VI, который стал английским королём Яковом I, был одним из самых глупых королей в истории Англии.

Яков I был сыном казнённой в Англии Марии Стюарт.

Династия Тюдоров сменилась династией Стюартов, и с тех пор Англия (вместе с Шотландией и Уэльсом) стала называться Великобританией (Great Britain).

Яков I вообразил, что он может управлять Англией, как ему заблагорассудится, и вводил всё новые налоги, не спрашивая разрешения у парламента. Впрочем, кроме денег (и охоты), ему ничего было не нужно, и государственными делами он не занимался.

Но самое ужасное – это то, что он не дал хорошего воспитания своему сыну Чарльзу.

Карл (Чарльз) I (1625-1649)

Карл I был образованным человеком, но не умел применить своё книжное знание к жизни.

Он преследовал и католиков, и наиболее ревностных протестантов (их называли "пуритане"), и потому почти весь народ его возненавидел. Подобно своему отцу, Карл I требовал всё больше и больше денег, а парламент отказывал ему в этом. И тогда он приказал бросить парламентских лидеров в тюрьму! С того времени, когда была подписана "Великая хартия вольностей" (1215), такого беззакония ещё не случалось! Всё это переполнило чашу народного терпения, и народ решился на восстание против своего короля.

Король собрал армию из своих сторонников и иностранных наёмников (сторонников короля называли "кавалерами"), а парламент создал свою армию (по большей части из стриженных "под горшок" простолюдинов – их называли "круглоголовыми"). В Англии началась гражданская война.

После нескольких сражений, во главе парламентской армии встал Оливер Кромвель. Кромвель был пуританин и создал свой отряд "железнобоких" из таких же убеждённых пуритан. В его армии царила строгая дисциплина. С помощью своих солдат Кромвель добился суда над королём. Карл I был обезглавлен.

Республика (1649-1653)

После казни короля в Англии установилась республика (Commonwealth). Парламент взял на себя управление страной. Парламент направил армию под командованием Кромвеля для усмирения восстания в Ирландии. Расправившись с ирландцами, Кромвель поспешил в Шотландию. В Шотландию в это время прибыл сын казнённого английского короля

Карл (Чарльз). Карл хотел восстановить королевскую власть в Англии, но потерпел сокрушительное поражение от армии Кромвеля и вынужден был бежать во Францию.

За поимку Карла была обещана большая денежная награда, а тех, кто поможет ему бежать, ждала смерть. Однако один бедный дровосек спрятал короля (Карл был к тому времени королём Шотландии) и не выдал его солдатам Кромвеля, которые обыскивали его дом (Карлу пришлось всю ночь прятаться в листве большого дуба). Некоторое время король жил у одной бедной вдовы под видом её работника, пока ему не удалось, наконец, добраться до корабля, который отвёз его во Францию.

Ирландия и Шотландия были покорены. Однако Парламенту пришлось вести морскую войну с Голландией. Война шла с переменным успехом, но в конце концов англичане победили и заставили голландцев подписать договор о мире.

После всех этих побед, армейские офицеры решили, что они могут править страной самостоятельно, без участия Парламента. Солдаты Кромвеля ворвались в здание парламента, разогнали всех народных представителей и заперли это здание на замок. Многие люди были возмущены этим вопиющим беззаконием, но открыто выступить против армии не решились. Правителем ("лордом-протектором") Англии стал Кромвель.

Оливер Кромвель (1653-1658)

Кромвель разделил Англию и Уэльс на 11 военных округов и, с помощью армии, железной рукой правил страной в течение пяти лет. Ему предлагали стать королём, но, опасаясь недовольства армейских офицеров, он от этого предложения отказался.

Оливеру наследовал его сын, Ричард Кромвель, но никакого авторитета в армии он не имел и уже в следующем году он от этого назначения отказался.

Карл (Чарльз) II (1660-1685)

Карл II женился на португальской принцессе, и её отец дал ей в приданное Бомбей в Индии. Сегодня (1835) вся Индия (которая, по размеру, больше, чем Англия, Франция и Португалия вместе взятые) принадлежит Англии...

Страшная эпидемия чумы в Лондоне прекратилась после ужасного пожара. Однако после пожара Лондон был отстроен по новому плану и стал ещё краше.

Поначалу, король слушался своих мудрых советников, но постепенно он их всех разогнал и начал править без оглядки на закон и обычай. Карл II неожиданно умер и его место занял Яков (Джеймс) II, сын казнённого короля Карла I.

Яков (Джеймс) II (1685-1688)

Новый король вырос во Франции и был воспитан в католической вере. Король начал преследовать протестантов и насаждать в Англии католическую веру. У Якова II было две дочери. Одна была замужем за голландским принцем Вильгельмом Оранским, а другая – за датским принцем Георгием (Джорджем). Чтобы избежать новой гражданской войны, англичане решили пригласить на английский престол иностранца.

Вильгельм III – Мария II (1688-1702)

Вильгельм Оранский принял их предложение и в 1688 году (вместе со своей женой Марией) занял английский престол (Мэри умерла шесть лет спустя). Вильгельм обещал англичанам править в согласии с Парламентом и не допускать вмешательства Папы Римского в английские дела.

В царствование Вильгельма III были приняты два важных закона: о том, что только протестант может быть английским королём; и о том, что парламент должен собираться по крайней мере один раз в год. Тогда же была основана богатая и могущественная Ост-Индская торговая компания (East India Company) и были отчеканены новые деньги.

Анна (1702-1714)

Принцесса Анна (Anne) была дочерью Якова II, но она была воспитана в протестантской вере и потому стала королевой (её младший брат был воспитан католиком и, по новому закону, не мог стать английским королём). В царствование Анны Англия и Шотландия объединились в одно государство; герцог Марлборо (Marlborough) одержал несколько побед в войне с Францией, а адмирал Рук (Rooke) завладел проливом Гибралтар (это было важное приобретение – как для военного, так и для торгового английского флота).

Георг I (1714-1727)

В царствование Георга I (он был из Ганноверской династии в Германии) сын Якова II (тоже Яков) собрал в Шотландии своих сторонников, которым не нравился иностранный король (их называли якобиты), и попытался захватить английский престол, но эта его попытка не удалась.

Георг II (1727-1760)

В царствование Георга II англичане успешно воевали против испанцев и французов в Америке и против внука Якова II, который по примеру своего отца, пытался захватить английский престол (и тоже безуспешно).

Георг III (1760-1820)

Царствование Георга III было долгим (60 лет). За эти 60 лет произошло много важных событий. Североамериканские колонисты под командованием Джорджа Вашингтона

завоевали независимость, в Париже отрубили голову французскому королю, английский флот под командованием адмирала Нельсона одержал важную победу в Трафальгарском морском сражении, а герцог Веллингтон разбил в битве при Ватерлоо войска Наполеона Бонапарта. Важнейшим событием мировой истории было изобретение и использование паровой машины. Впрочем, Георг III имел ко всем этим событиям мало отношения, а в конце жизни он и вовсе потерял рассудок.

На этом книга леди Колкот заканчивается, но издатели сделали к ней добавления:

Георг IV (1820-1830)

Из-за болезни своего отца, ко времени, когда Георг IV взошёл на престол, он уже восемь лет как управлял Британией, будучи принцем-регентом. В царствование Георга IV был раскрыт ужасный заговор (Cato Street Conspiracy). Заговорщики хотели убить сразу всех министров правительства, но заговор был раскрыт... В это же время английский флот помогал Греции в её борьбе против турецкого владычества. А в 1828 году английские католики получили право быть избранными в Парламент. В эти десять лет произошло и много других важных событий, но, как и его отец и деды, Георг IV мало интересовался государственными делами.

Вильгельм (Вильям) IV (1830-1837)

В царствование Вильгельма IV английская политическая свобода получила новое развитие: в Англии была осуществлена важная избирательная реформа (1832). Примерно в то же время в английских колониях было отменено рабство (рабовладельцы получили денежную компенсацию). Паровые машины начали использовать не только на фабриках, но и на транспорте – начинается строительство железных дорог. Были, конечно, и печальные события: в Лондон пришла холера, а вскоре – сгорело дотла здание английского парламента.

Королева Виктория

Королева Виктория – внучка Георга III. Она взошла на престол в 1837 году, когда ей исполнилось 18 лет. С её восшествием на престол английские монархи перестали быть одновременно и королями Ганновера в Германии, потому что, по ганноверским законам, женщина не могла наследовать престол.

Книжка леди Колкот читается легко, но это скорее история английских королей, чем история Англии. Впрочем, почти вся история в те времена была историей королей и войн между ними...

Мистер Браун читал мне вслух необычайно популярную в то время книгу "Приключения Оливера Твиста" (*Oliver Twist*) Чарльза Диккенса (Dickens). Мне было трудно понимать её на слух, и потому мистер Браун часто останавливался, чтобы сделать необходимые разъяснения. Благодаря занятиям с моим замечательным учителем, к концу 1840 года я уже настолько хорошо владел английским языком, что взялся за самостоятельное чтение этой книги:

"Приключения Оливера Твиста"

Живописцы всегда рисуют женщин красивее, чем они есть на самом деле, иначе у них не было бы заказчиков. Человек, который изобрёл машину, снимающую портреты, мог бы догадаться, что она не будет пользоваться успехом: она слишком правдива...

Зоркие очи представительниц вашего пола видят только одну сторону дела – хорошую или дурную, – и всегда ту, которую заметят первой.

Ни одно ласковое слово, ни один ласковый взгляд ни разу не озарили его унылых младенческих лет. И всё же его детское горе было глубоко, когда за ним закрылись ворота коттеджа. Как ни жалки были его маленькие товарищи по несчастью, которых он покидал, это были единственные его друзья. И сознание своего одиночества в огромном, необъятном мире впервые проникло в сердце ребёнка.

Из предисловия автора к позднейшим изданиям этой книги:

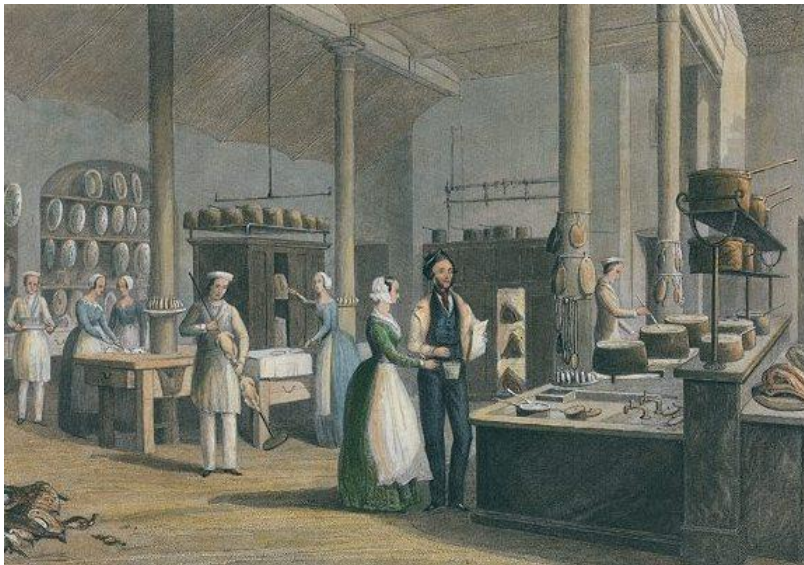
В своё время сочли грубым и непристойным, что я выбрал некоторых героев этого повествования из среды самых преступных и деградировавших представителей лондонского населения.

У меня были веские причины избрать подобный путь. Я читал десятки книг о ворах: славные ребята (большей частью любезные), одеты безукоризненно, кошелек туго набит, знатоки лошадей, держат себя весьма самоуверенно, преуспевают в галантных интригах, мастера петь песни, распить бутылку, сыграть в карты или кости – прекрасное общество для самых достойных. Но я нигде не встречался с жалкой действительностью. Мне казалось, что изобразить реальных членов преступной шайки, нарисовать их во всем их

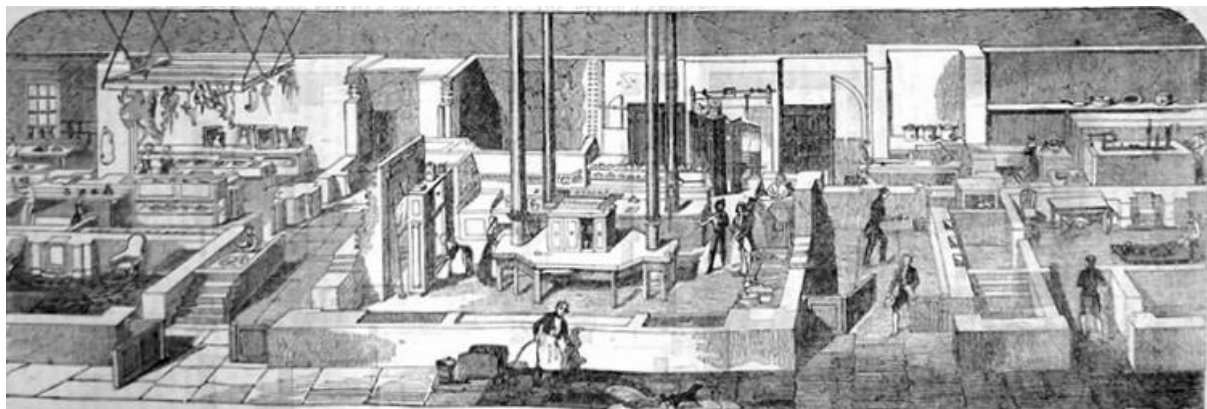
уродстве, со всей их гнусностью, показать убогую, нищую их жизнь, показать их такими, каковы они на самом деле, – это значит попытаться сделать то, что сослужит службу обществу.

1841

1-ого марта 1841 года в Лондоне открылось роскошное новое здание Реформ-клуба (Reform Club) на улице Пол Мол (Pall Mall). Мой отец работал там на кухне под началом у знаменитого Алексиса Суайе (Alexis Soyer). На этой кухне я впервые увидел газовую плиту, которая была тогда диковинкой даже для Англии.

На этой картине показана часть огромной кухни в Реформ-клубе. В центре – маг и волшебник, Алексис Суайе. А вот общий вид всей кухни:

Я по-прежнему ходил на занятия английским языком, историей и литературой к мистеру Брауну. В этом году мои познания обогатились элементарными представлениями о музыке. Два раза мистер Браун водил меня на концерты фортепьянной музыки. Незабываемое впечатление произвёл на меня концерт знаменитого музыканта и пианиста-виртуоза Ференца Листа¹⁵. Супруга нашего барина, Марья Тимофеевна, играла иногда на фортепиано, но о музыкальном искусстве я в то время почти совсем ничего не знал; виртуозная игра на музыкальных инструментах восхищала меня просто в силу её технической сложности. Трудно было поверить, что человеческие руки на такое способны! Похожее чувство я испытал много лет спустя, когда познакомился с картинами великих голландских мастеров: невозможно было поверить, что все эти кружева и бархат, которые выглядели на картинах как настоящие, были созданы с помощью кисти и красок человеческими руками.

В этом году я, заплатив лавочнику, торгующему подержанными книгами, два шиллинга (около 2 с половиной рублей ассигнациями)¹⁶, купил для своей будущей библиотеки первую книгу на английском языке. Легко догадаться, что это была за книга...

¹⁵ Лист выступал с концертами в Лондоне дважды: в 1840 и 1841 годах.

¹⁶ За новую книгу пришлось бы заплатить не меньше 5 шиллингов – больше 6 рублей ассигнациями!

ДАНИЭЛЬ ДЕФО (1660-1731)

Даниэль Дефо (Daniel Defoe) написал много книг и статей (с учётом анонимных публикаций – больше 400). Но в исторической памяти человечества он навсегда останется автором "Робинзона Крузо". Большинство людей прочитали эту книгу давно, в детстве, и больше к ней никогда не возвращались. А я читал её не меньше десяти раз и, наверняка, буду ещё перечитывать. Что меня в ней привлекает – я объяснить не могу. Мысли там не много, действие мне хорошо известно, никаких стилистических красот там нет, новых для меня фактов мало... А начнёшь читать – и оторваться уже невозможно...

Когда я знакомился с биографией Дефо, мне не давал покоя один вопрос: когда? Когда он писал свои романы? Ведь в сутках тогда, как и теперь, было всего 24 часа... Как он находил время для того, чтобы сесть за стол и скрипучим гусиным пером, при слабом свете мерцающей свечки описывать выдуманные приключения выдуманных им людей? Причём описывать с такой достоверностью, что эти выдумки кажутся более правдивыми, чем самые правдивые истории, рассказанные людьми, реально подобные приключения пережившими! А ведь в то же самое время он писал бесчисленные газетные статьи и политические памфлеты; встречался с сотнями людей; он постоянно отбивался в суде от кредиторов и политических противников; он несколько раз сидел в долговой тюрьме; он много ездил по стране (причём в те времена, когда путешествие из Лондона в Эдинбург занимало несколько дней, а не несколько часов). Чтобы прокормить большую семью (жену и 8 человек детей), он служил бухгалтером и занимался торговлей. И при всём при этом успевал заниматься самообразованием. Он свободно владел французским языком, читал по-испански и по-итальянски, немного знал португальский, был знаком даже со славянскими языками (потому что общался с поляками и москвитами), считался

специалистом по астрономии, прекрасно знал политическую историю и экономическую географию европейских стран, написал о русском царе "Беспристрастную историю Петра Алексеевича" (1723), объездил и изучил всю Англию... Когда?! Видимо, тогда, когда прочие образованные люди "пережёвывали греческий и латынь и перебирали слова и спряжения, как старьевщик своё добро на свалке". "Множество людей, считающихся образованными, совершенно ни к чему не пригодны, – писал Дефо. – Они годятся только в учителя: взяли, что могли, от школы, и остались там, чтобы, не покидая школы, там же и умереть".

Будущий писатель родился около 1660 года, и в школьные годы его готовили в священники, но после окончания школы Дефо решил открыть своё дело. В 24 года он женился (взяв за женой хорошее приданное) и открыл торговлю чулочно-носочными изделиями. Поначалу, дела шли неплохо, и вскоре он прикупил ещё и заводик по производству кирпича. Но потом он занялся крайне рискованной в то время морской торговлей и к 1692 году совершенно разорился, попав под суд за неуплату огромных долгов. Не случись этого – и он, быть может, стал бы богатым, но никому не известным торговцем, а не великим писателем...

Несмотря на все неурядицы, Дефо много пишет. Его политический памфлет "Чистокровный англичанин" (*The True-Born Englishman*, 1701) в первой половине XVIII века переиздавался пятьдесят (!) раз. В 1715 году Дефо написал популярное руководство для семейной жизни (*The Family Instructor*), которое за пять последующих лет издавалось восемь раз. Но главную свою книгу – "Жизнь и приключения Робинзона Крузо" (*Robinson Crusoe*) – он написал позднее (1719), когда ему было уже 59 лет. Это было, наверное, первое в английской литературе художественное произведение, рассчитанное не на узкий круг "избранных", а практически на всех, кто умел в то время читать. Эта волнующая история борьбы человека за выживание и относительное благополучие осталась жить в веках. Только "Библия" может соперничать с этой книгой по числу переводов на иностранные языки¹⁷. Дефо написал "Робинзона" всего за два месяца, но обдумывал он этот роман практически всю жизнь... Книга вышла в свет 25-ого апреля 1719 года и стоила довольно дорого (столько же стоил "полный мужской костюм", а за пятнадцать шиллингов можно было купить лошадь), но уже 9-ого мая потребовался второй тираж, а ещё через месяц – третий...

"Робинзон" был первым романом Дефо. После него были и другие, но они пользовались меньшей популярностью. Не потому, что они были плохо написаны, а потому, что даже очень хорошие романы не выдерживали сравнения с гениальным творением великого писателя. Говорят, современники-литераторы считали его посредственностью, и двери

¹⁷ Первый русский перевод "Робинзона" (с французского издания) появился в 1762-ом году. Первый русский перевод с английского издания появится только в 1840-ых годах. К концу XIX века насчитывалось уже до 700 различных изданий "Робинзона" (не считая бесчисленных пересказов, подделок, переделок и пр.), а самым известным иллюстратором этой книги был французский художник Гранвиль (Granville).

литературных клубов были перед ним закрыты. Но кто их теперь помнит, этих литераторов? А Дефо знают все¹⁸.

В 1726 году Дефо закончил своё "Путешествие по Великобритании" (*A Tour thro' the Whole Island of Great Britain*). Эту книгу, которая пронизана любовью автора к родной стране, специалисты до сих пор считают одним из самых ценных источников по истории Англии того времени. Не спесивых аристократов, а деловых людей Дефо считает настоящими джентльменами. "Торговля – это основа богатства, а богатство – это основа власти", – пишет он, и предсказывает своей стране великое будущее: "Страна, которая будет доминировать в торговле, будет доминировать в мире".

Дефо прожил три жизни в одной, потому что каждая из сторон его деятельности (торговля, литература, политика) была насыщена до такой степени, что другому человеку этого хватило бы на целую жизнь. "Тринадцать раз становился богат и снова беден"... Дефо брался за всё сразу, и наверное, поэтому часто терпел неудачи. И заканчивал он свою жизнь в бедности "тонущим под тяжестью непереносимых печалей". А его богатая библиотека была после его смерти продана за долги...

"РОБИНЗОН КРУЗО"

Отчизну покидают либо те, кому нечего терять, либо честолюбцы, многого достигшие и желающие достичь ещё большего.

[Отец Робинзона]: Мой удел – середина, то есть то, что можно назвать высшей степенью скромного существования, а оно лучше всякого другого приспособлено для счастья, ибо человека не гнетут нужда, лишения, тяжкий труд и страдания, выпадающие на долю низших классов, и не сбивают с толку роскошь, честолюбие и чванство высших классов. Все жизненные невзгоды распределены между высшими и низшими классами, и реже всего их терпят люди умеренные ... Среднее положение в обществе благоприятствует расцвету всех добродетелей и радостей бытия. Умеренность, воздержанность, здоровье, спокойствие духа – его благословенные спутники ...

Человек среднего достатка проходит свой жизненный путь, не обременяя себя непосильным трудом и не страдая от зависти ... Не продаваясь в рабство из-за куска хлеба, привольно скользит он по жизни, чувствуя, что счастлив, и с каждым днём всё глубже постигая своё счастье.

Какое-то тайное веление всеильного рока порою побуждает нас быть орудием своей собственной гибели и бросаться навстречу ей с открытыми глазами...

¹⁸ Впрочем, один из его современников, бывший его личным врагом, всё-таки оставил потомкам своё имя – Джонатан Свифт. Два гения, как позднее Толстой и Достоевский, всю жизнь ненавидели друг друга, хотя лично никогда не встречались.

Я часто замечал, сколь нелогична и непоследовательна человеческая природа, особенно в молодости: люди не стыдятся греха, но стыдятся раскаяния...

По мере того, как я богател, голова моя наполнялась планами и проектами, совершенно несбыточными при тех средствах, которыми я располагал ... Я не мог удовлетвориться настоящим ... Меня одолевало желание обогатиться скорее, чем допускали обстоятельства ... Я повиновался внушениям своей фантазии, а не голосу рассудка.

Во всяком зле можно найти добро, стоит только подумать, что могло быть ещё хуже.

NB Я начал записывать свои мысли – не для того, чтобы увековечить их в назидание потомкам, а просто чтобы высказать словами всё, что меня мучило, и тем хоть сколько-нибудь облегчить свою душу.

Чтение направляло мои мысли к вопросам возвышенным, и я познал много душевных радостей, которые дотоле мне были совершенно неизвестны. Положение моё, оставаясь таким же бедственным, стало казаться мне гораздо более сносным.

Немое отчаяние невыносимо, всегда легче излить горе словами или слезами, чем таить его в себе.

Глупо приниматься за работу, не рассчитав, хватит ли сил довести её до конца.

Я придавал цену лишь тому, чем мог как-то воспользоваться ... Мирские блага ценны для нас лишь в той степени, в какой они способны удовлетворять наши потребности; и сколько бы мы ни накопили богатств, мы получаем от них удовольствие только в той мере, в какой можем их использовать, не больше ...

NB Все наши сетования по поводу того, чего мы лишены, проистекают, мне кажется, от недостатка благодарности за то, что мы имеем.

Я научился смотреть больше на светлые, чем на тёмные стороны моего положения и помнить больше о том, что у меня есть, чем о том, чего я лишён.

Я отмечал дни месяца, на которые приходились выдающиеся события моей жизни, и заметил странное совпадение чисел и дней, в которые случались со мной различные происшествия, так что если бы я был суеверен, то моё любопытство не без основания было бы привлечено этими совпадениями.

Мои мысли пришли в равновесие, я чувствовал себя счастливым, покоровшись Судьбе.

Какое игрище судьбы человеческая жизнь! Завтра мы будем избегать того, что сегодня ищем.

Страх перед опасностью всегда страшнее самой опасности, и ожидание зла в тысячу раз хуже самого зла.

В глазах людоедов людоедство не есть преступление. Они грешат по неведению и, совершая свой грех, не бросают этим вызова Божественной справедливости, как это делаем мы, когда грешим.

Я спросил себя, какое я имею право брать на себя роль судьи и палача этих людей. Да, они преступники, но коль скоро Бог в течение стольких веков позволяет им творить зло, то значит на то Его воля. Как знать, может быть, истребляя друг друга, они являются лишь исполнителями Его приговоров?

NB Как часто мы, сами того не ведая, непостижимым образом избавляемся от грозящих нам бед! Неведомая сила не пускает нас туда, где нас ждут невзгоды, и часто оказывается, что если бы мы, наперекор Судьбе, пошли по той дороге, которая для нас закрыта, то это привело бы нас к гибели.

Пятница был протестант, его отец – язычник, а испанец – католик. Я допускал в своих владениях полную свободу совести.

Благодарность не принадлежит к числу добродетелей, свойственных человеку от природы.

Никогда не пренебрегайте тайным предчувствием, предостерегающим Вас от опасности.

Я добавил бы к этому ещё один совет: сомневаешься – скажи "нет".

N Я не послал им подарка, потому что они были слишком богаты.

Моя жена своим благоразумием постоянно отвлекала меня от безрассудных и рискованных планов, роившихся в моей голове, и возвращала меня к счастливой умеренности. Я чувствовал себя счастливым, уступая ей ... После её смерти я бродил по улицам Лондона как праздношатающийся, о котором можно сказать, что он совершенно бесполезен в этой жизни, ибо никому нет дела до того, жив ли он или умер.

Необходимо сдерживать всякие страсти – как радость и удовольствие, так и скорбь и раздражение.

Голод не признаёт ни дружбы, ни родства, ни справедливости, ни права, и потому недоступен угрызениям совести и неспособен к состраданию.

Уныние – это самое безрассудное чувство, ибо оно направлено на прошлое, в котором ничего нельзя поправить, и пренебрегает будущим, в котором это возможно ... Кто виноват в прошлом, тот за него и ответит, но ответственность за будущее лежит на нас самих.

Россия, как и Китай, показалась мне скопищем невежественных, грязных и плохо управляемых рабов.

Трусливые люди всегда наглеют, когда думают, что они ничем не рискуют.

Если взглянуть на жизнь с некоторой высоты, то можно увидеть, что на свете мало подлинного счастья, но можно быть вполне счастливым даже при небольшом участии со стороны себе подобных.

Я был удивлён, что ссыльные в Сибири живут без решёток на окнах и замков в дверях, но они почему-то не уезжают в другие страны, где им жилось бы удобнее. Князь объяснил мне что на тысячи миль вокруг тянется непроходимый лес, а немногочисленные дороги охраняются воинскими гарнизонами ... и что он более счастлив, будучи рабом обстоятельств в заключении, чем будучи рабом своих страстей на свободе.

Мистеру Брауну понравилась моя привычка делать выписки из книг не в тетрадь, а на отдельные листы или карточки из плотной бумаги: таким образом я мог сортировать свои записи по имени автора или по теме (по предмету). Тогда же я начал записывать в отдельную тетрадь свои английские впечатления. В дальнейшем – мой дневник разросся и включал в себя уже не только путевые заметки, но и просто интересные факты и наблюдения, а также размышления по поводу прочитанных книг и пр. Вот некоторые из моих лондонских заметок:

Сразу после завтрака прибежала дочка зеленщика и продавала зелень. Потом мальчишка от мясника прибежал спросить, не хотят ли сделать заказ и через несколько часов возвращался с подносом мяса на плече. Потом стучались булочник и молочник, развозившие свой товар по домам. Летом ко всем разносчикам добавлялись девочки с вишнями, клубникой и цветами. Зимой по домам разносили горячий картофель.

Ленты, кружева, помада и т. д. – всё это можно было купить у разносчиков дешевле, чем в магазине. По домам ходили и люди, промышлявшие мелким ремонтом. Мастеров предпочитали приглашать одних и тех же, и они были знакомы со всей прислугой в доме. Мебель обычно ремонтировал какой-то цыган. Пока он работал, его жена и дочери в ярких цветных юбках и шaliaх сидели на ступеньках крыльца и предсказывали всем желающим судьбу. Если никто не желал узнать свою судьбу, то они зарабатывали тем, что продавали слугам швабры и щётки.

Пыльный человек в кожаной шляпе с большими полями приезжал на своей телеге и собирал золу из каминов. Он никогда не стучал в дверь, а звонил в колокольчик, давая время хозяйке закрыть двери и окна и забрать детей с улицы (чтобы они не перепачкались).

Смотреть на работу точильщика ножей было любимым развлечением местной детворы. Иногда он доверял мальчишкам покрутить колесо, а некоторые счастливчики могли даже подержать нож над оселком, высекая яркие искры. С завистью на это развлечение смотрели сыновья медника, кричавшего: "Чиню кастрюли, сковородки, чайники!" Они не

могли остановиться и поглазеть на работу точильщика: они были заняты делом (таскали за отцом его инструменты и возили на тележке его передвижную печь, нужную для работы).

К вечеру появлялись бродячие артисты и шарманщики. Шарманщики вставали на углу улицы и заводили свои жалостливые песни. Частым спутником шарманщика был попугай. Желавшие за небольшую плату узнать свою судьбу подходили к шарманщику, и тогда попугай вытаскивал из корзинки клювом или слово, или бумажную трубочку с целым посланием...

Когда начинало темнеть, на улице появлялся фонащик. Это был пожилой человек, который, несмотря на возраст, ловко взбирался по приставленной лестнице наверх, открывал дверцу газового фонаря, поворачивал вентиль и зажигал газ. Затем, закрыв дверцу и полюбовавшись на свою работу, он спускался вниз и шёл к следующему фонарю. А утром – снова появлялся на улице, чтобы закрыть газовые вентили.

Вода из колонок употреблялась для технических нужд. А жажду утоляли кипячёной водой, чаем или пивом. Лёгкое пиво пили даже маленькие дети.

В дневное время Темза в некоторых местах была забита лодками и баржами, и иногда мальчишки на спор перебегали на другую сторону реки, перепрыгивая с одной лодки на другую.

В те времена абсолютно всё шло в дело. Вдоль Темзы бродили речные подбиралы, которые вылавливали из воды всё, что хоть как-то могло быть использовано. Во время отлива они вытаскивали из грязи кто доску, кто кусок угля, кто сломанную медную лампу, кто старую калошу. Дерево использовали на дрова, металлические вещи продавали в переплавку; за четыре фунта старого тряпья можно было получить полпенни у старьевщика (из тряпья делали бумагу). Обрывки канатов и верёвок и старые сети расплетали на волокна и вязали из них новые верёвки. Трупы животных разделявали: шкуры продавали кожевникам, кости – мыловарам.

По улицам бродили "pure collectors ", которые подбирали куриный помёт и собачье дерьмо. Эти важные "продукты" использовались в кожевенном производстве. К кожевенным фабрикам почти невозможно было подъехать на лошадях. Почувствовав запах разлагавшихся трупов животных, лошади становились на дыбы, и никаким кнутом нельзя было их заставить въехать в ворота...

Чистильщики уборных и сборщики мусора работали по ночам. У мусорщиков были, как правило, налажены связи с кухарками всей округи. Кому попало мусор и отбросы не отдавали.

Хозяева таверн в деревнях были уважаемыми людьми и часто держали при своём заведении пивоварню. Их дочери традиционно считались (и были) хорошими жёнами, которые с пониманием относились к своим мужьям и помогали им не только работой и лаской, но и советом.

Кофемолки, мясорубки, картофелечистки были предметами гордости и выставлялись во многих домах на видное место, чтобы показать их гостям.

Выходить из дома с непокрытой головой считалось неприличным. Даже бедные мужчины носили на голове кепку или шляпу. Аристократы носили высокие "цилиндры", а среди представителей среднего класса приобрёл большую популярность "котелок" – шляпа с твёрдым круглым верхом (высотой – в половину "цилиндра").

Будучи постоянно занят работой и учёбой, я и не заметил, как пронеслись эти два удивительных года в Англии... Дворянам в то время разрешалось оставаться за границей три года, а людям из других сословий – не более двух¹⁹. Пришло время расставания – и с нашим барином, и с мистером Брауном...

На прощание мы все сфотографировались в мастерской у профессионального фотографа.

В отличие от одноразовых снимков на металлических пластинках французского изобретателя Дагерра (Daguerre), фотографии английского изобретателя Уильяма Толбота печатались в виде негативов на специальной фотобумаге, что позволяло делать с этих негативов множество копий²⁰... Появление фотографии вызвало беспокойство среди некоторых художников, которые зарабатывали на жизнь портретами, но это беспокойство постепенно улеглось, когда клиенты "дагерротипистов" стали жаловаться на то, что фотографический портрет не может скрыть всех недостатков их внешности, которые живописцы обычно скрывали.

Мы с мистером Брауном также сфотографировались отдельно, вдвоём. Эту фотографию я хранил всю жизнь... Я и мистер Браун подружились, и потом много лет переписывались. Он даже приезжал один раз ко мне в гости (в 1851 году, когда я закончил университет).

¹⁹ Позднее – соответственно, пять и три.

²⁰ Уильям Толбот (Talbot) был талантливым лингвистом, египтологом, ботаником, математиком и специалистом по истории древнего мира, но подлинная слава и известность пришли к нему, когда он начал заниматься фотографией. Толбот, внёсший огромный вклад в развитие фотографии, весьма скромно оценивал свои успехи: "Я не могу сказать, что достиг совершенства, – писал он позднее, – но я стоял у истоков нового искусства, будущие возможности которого в настоящее время трудно себе и представить"...

Перед моим отъездом из Англии он подарил мне объёмистую книгу под названием "Сам себе учитель, или наилучшая справочная книга для молодого человека" (*Self-Instructor, or, Young Man's Best Companion*). Эту книгу я часто читал и перечитывал в годы моей учёбы в Калужской гимназии...

В конце августа 1841 года мы выехали по Юго-Западной (South Western) дороге в Портсмут.

Из Лондона во все стороны расходятся железные дороги, из которых главных было тогда пять: Бирмингемская (около 180 км, 5 часов в пути), Юго-Западная (120 км) вела в Саутгемптон (3 часа в пути), Большая Западная (230 км) вела через Бат в Бристоль (около 6 часов в пути), по Северо-Восточной дороге можно было быстро добраться до Кембриджа, а до Брайтона было всего два часа пути по Брайтонской дороге (около 80 км). Все эти дороги были соединены между собою местными линиями, так что, при желании, можно было за короткий срок объездить всю Англию. За определённую плату, в поездах предлагали пледы и нагреватели для ног, наполненные подплавленной солью уксусной кислоты, которая в процессе рекристаллизации выделяла тепло в течение двадцати часов... До появления железных дорог большинство людей никогда не ездили дальше, чем на неделю конного пути от дома...

Из окна вагона можно было видеть насаженные ровными рядами молоденькие леса и одиноко стоящие посреди полей ухоженные фермерские домики. Очень редко можно было увидеть деревеньку в 5-6 домов: многие английские фермеры (в отличие от русских крестьян) живут обособленно... Дорога до Портсмута заняла всего три с половиной часа, на ночь мы остановились в гостинице. В Европе можно жить с комфортом: прекрасные дороги, в приличных районах – чистота и порядок, в гостиницах нет клопов и тараканов; в крупных городах – замечательная архитектура, есть на что посмотреть. А одним из самых красивых зданий в городе нередко бывает школа...

На другой день в ожидании парохода (который пришёл только в пять часов вечера), мы бродили по Портсмуту, глазели на мирно стоящие у причалов военные корабли, среди которых была и знаменитая *Виктория*. Присоединившись к группе русских туристов, мы взошли на палубу этого корабля. Над адмиральской каютой были написаны простые и мужественные слова Горацио Нельсона, произнесённые им перед Трафальгарской битвой:

"Англия надеется, что каждый из нас исполнит сегодня свой долг", а в другом месте установлена медная дощечка со словами "Здесь пал Нельсон"...

В Травемюнде мы погрузились на уже знакомый нам пароход "Александра". Про капитана говорили, что он опытный мореход и очень порядочный человек²¹.

В Англии я по России не скучал: видимо, некогда было скучать. А тут вдруг накатила какая-то грусть – захотелось побыстрее добраться до родных мест... Вчера был великолепный день, а сегодня – пасмурное небо; дождя нет, но хмурая погода не придаёт духу... Отъезжающих обратно в Россию было очень мало. Зато было много прибывших, и мы обедали в большой компании русских путешественников...

В Петербурге мы провели ночь в гостинице. Дешёвых гостиниц было тогда много. В 1841 году в Петербурге можно было даже снять квартиру из двух комнат за 100 рублей ассигнациями в месяц.

По шоссе из Петербурга в Москву можно было добраться в дилижансе. Это путешествие занимало, в зависимости от погоды и других условий, от трёх до пяти суток – ужасно долго, по нынешним (1910) меркам (сегодня курьерским поездом можно доехать из одной столицы в другую всего за 15 часов), но очень быстро, по сравнению с прежними временами²². Из Петербурга в Москву можно было также доехать всего за 60 часов в новой почтовой карете. Сзади – лесенка; на крыше – три места: два – для пассажиров, одно – для кондуктора. За внутреннее место в почтовой карете (а их было всего два) надо было заплатить 14 рублей, а за наружное (рядом с кондуктором, но с крытым верхом) – 11 рублей... Костюм кондуктора был весьма наряден: вся грудь его мундирного сюртука была в галунах, а на шнурке через плечо висел рожок, в который он играл какой-то немецкий вальс как сигнал, чтобы поскорее выводили лошадей перед станционным домом. Вместе с каретой под наблюдением этого кондуктора был также фургон с почтовой корреспонденцией и с наружным местом для одного пассажира (за 10 рублей) – как раз для меня...

²¹ Между прочим, русский флот не знает ни одного случая дуэли между морскими офицерами...

²² В 1817 году путешествие из Москвы в Петербург по бревенчатой мостовой занимало две недели.

Позднее была пущена экстра-почтовая двухместная карета, совершавшая этот путь за 48 часов. Кареты "malle-poste" обязаны были делать 15 вёрст в час, кондуктор трубил в свой рожок предупреждая обозы и все другие экипажи (включая дилижансы), чтобы те посторонились. Время прибытия на каждую станцию было строго определённо, и лошади были уже готовы, в сбруе. Пассажирам надо было заранее запастись съестным, потому что экстра-почта нигде не останавливалась для обеда и чаепития.

Через несколько дней мы были уже в Калуге и в моей жизни начался новый этап...

Возможно, что в то время я, в силу моего юного возраста, не мог ещё до конца осознать, какое огромное влияние оказали два года в Англии на всю мою дальнейшую жизнь. Это было невероятная удача, подарок Судьбы, который я ничем не заслужил. Господь был ко мне милостив...

В Бога можно верить или не верить. Можно называть это другим словом или не называть никак. Но судьба каждого из нас зависит не от нас, а от какой-то неведомой нам в полной мере силы, которая и предопределяет, кому суждено умереть в младенческом возрасте, кому будет дано осуществить самые смелые мечты, а кому на роду написано жить в несчастье и умереть в горе... Так я думаю теперь. Ну а тогда, 70 лет тому назад, я просто думал, что это моя мама, которую я никогда в жизни не видел, была моим ангелом хранителем и направляла с небес мою судьбу...

Детство моё закончилось. Началось отрочество...